

Аїя Сафіна

НИНА

ЗОВ ПУСТЕЛЬГИ
КНИГА 2

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Айя Сафина

Нина. Книга 2. Зов пустыльги

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Сафина А.

Нина. Книга 2. Зов пустельги / А. Сафина — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-5321-2184-3

Нина заключила сделку с наркоторговцем, который выкрал ее из психиатрической лечебницы. Теперь она должна отрабатывать свой долг в разгар назревающих бандитских разборок. Таинственная банда Пастаргаев грозит уничтожить империю Эрика, но в его руках есть мощное оружие — паранормальный дар Нины. Мертвецы указывают ей путь к спасению, сверхъестественное чутье наводит прицел на предателей. Нина учится выживать в криминальном мире, ведь он не столь однозначен, и даже в собственном тылу есть враги. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-5321-2184-3

© Сафина А., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

1. Новая жизнь	5
Конец ознакомительного фрагмента.	47

1. Новая жизнь

Солнечный луч лениво полз по стене, отражаясь бликами от стальной картинной рамы. Узкая полоска света смело разрезала мрак комнаты сквозь щель между толстыми порттьерами. Луч упрямо стремился нарушить сон, и вскоре достиг бледного лица, точно коснувшись закрытых век.

Нина зажмурилась. Яркий свет был непривычным и отвратительным. Он напоминал раздражающий неугасаемый свет изолятора, не позволяющий впасть в глубокий сон. Но этот свет был другим. Необычным теплым. Неестественным для ее жизни. Нина неохотно открыла глаза и тут же ощутила необычность утра во всем вокруг.

За окном птицы чирикали наперебой. В лечебнице обитали разные птицы: зяблики, кукушки, скворцы – летом; синицы, чижи и клесты – зимой. Пение здешних птиц было незнакомо.

В воздухе витал соблазнительный аромат ванильной выпечки. В лечебнице тоже пекли разные крендели с сахаром, творожные кексы, но их аромат был далек от нынешнего. Нина даже привстала от удивления: пахло корицей. Совершенно точно! И этот запах она знала с детства!

Нина оглядела широкую кровать, которая услаждала измученное тело воздушной мягкостью белья. Как же приятно! Нина лениво перевернулась, подставив спину дружелюбному солнечному будильнику, он тут же принялся усиленно ее согревать.

Нина не могла вспомнить, как она здесь оказалась. Кажется, она заснула на заднем сидении огромного джипа еще до того, как тот въехал в пригород. Но она никогда не забудет спасительное бегство посреди ночи.

Эрик попытался взять ее за руку, но она терпеть не могла чужие прикосновения – они приносили слишком много видений. Поэтому она вручила ему собранный в кулак растянутый рукав свитера, и Эрик потащил ее сквозь лесопосадку. Они не видели тропу и передвигались вдоль высокой бетонной ограды, с опаской оглядываясь по сторонам в поисках ненужных глаз. Но кто возжелает прогуливаться глубокой ночью, когда ливень льет непроглядной стеной, а молнии сверкают таким высоким разрядом, что ночь становится светлее дня?

Последнее препятствие – перелезть через ограду. Эрик свистнул, и через секунду наверху показался лысый громила. Кажется, Эрик назвал его Фидо. Эрик без труда поднял Нину, могучие руки Фидо схватили ее под локти, и вот она уже сидит на трехметровой ограде, пытаясь разглядеть сквозь деревья свой бывший дом. Но лесопосадка была слишком широка и плотно засажена, поэтому Нина мысленно попрощалась с невидимым зданием, где оставила свое прошлое, и свесила ноги с внешней стороны ограды – туда, где ее ждал неизведанный мир. Эрик оказался на стене возле нее и помог спуститься, великан Фидо поймал ее внизу. Вот и все, покинуть пределы лечебницы оказалось гораздо проще, чем проститься с ней.

Утро облачилось в привычные нотки, когда тело по обыкновению заныло при попытке встать.

Нина проковыляла к окну. Вот она какая – жизнь вне стен коробки!

Нина прижалась щекой к холодному стеклу. Небольшие двухэтажные коттеджи выстроились вдоль дороги, подобно солдатам в шеренге – один копия второго. Бесконечная улица симметричных лужаек перед крыльцами и белых колышков вокруг. Нина представила, как она выглядит со стороны: серая тень в окне одного из этих кирпичных клонов. А еще она подумала о том, как тяжело найти кого-либо в этой однородной массе, это особенно полезно для того, кого ищут очень многие.

Нина осмотрела комнату: просторная светлая и лишенная всяческого изыска. Да что там изыск! Тут отсутствовало элементарное понятие уюта. Комната ярко контрастировала с сибя-

ритствующими привычками Эрика. Хоть и широкая, но абсолютно простецкая белоснежная кровать, на которой никогда не спали. Дешевая картина блеклого натюрморта в стальной раме. Пустой комод молочного цвета, слой пыли в ящиках наглядно демонстрировал его долгое одиночество. Кожаное кресло у окна, с виду удачно размещенное в целях создания комфорта, на самом же деле выступало в качестве наблюдательного пункта и не больше. На этом лаконичный интерьер комнаты завершался, если не считать пару светильников и прикроватную тумбу. Нина испытала облегчение. Хоть Эрик и не старался, но все же угадал с местом пребывания. Его неуютные пустоши – как раз то, что нужно для психопата, обладающего сверхъестественной проницательностью. Здесь никто не жил прежде, а, значит, здесь нет картин прошлого. В голове Нины было также пусто, как и вокруг.

Внизу загремели тарелки. В нос Нине снова ударил запах выпечки. Она уже встречала этот запах когда-то, правда память не раскрыла подробностей. Живот ворчливо буркнул, напоминая о своем существовании. Нина не стала ему перечить и направилась к лестнице. Запах усиливался, а когда Нина оказалась в холле, кваркающие звуки со сковороды вызвали слюнки. Нина осторожно завернула за угол и увидела его.

Широкая спина в клетчатой рубашке суежилась возле плиты. Волосы зачесаны назад, от влажности они вились еще больше. Он что-то напевал и ловко подкидывал оладьи в воздухе. После очередного танцевального выпада он, наконец, выложил блин на тарелку и обернулся к столу.

Их взгляды встретились. И хотя этот момент нельзя назвать неожиданным, все же он был довольно неловким. Это было странно, ведь они уже знакомы, более того, всего несколько часов назад они пересекали больничный сквер, сцепившись друг с другом так крепко, словно боялись потеряться.

Так они и стояли с минуту, разглядывая друг друга, пока молчание не нарушил тостер. Громкий щелчок высвободил очередную порцию хрустящего теста. Тарелка в руках Эрика стукнула о стеклянный стол, и мир, наконец, ожил. Эрик улыбнулся гостье.

– Не знал, что ты любишь, – объяснил он, указывая на изобилие еды.

Нина не ответила. Эрик уже начал привыкать к ее молчанию.

– Здесь есть овсянка, хлопья, омлет, глазунья, гренки и мои фирменные ванильные панкейки, которые я не готовил уже очень давно. Поэтому, будь добра, оцени мои старания.

Нина продолжала стоять, выглядывая из-за угла. Эрик сел и демонстративно поднял нож с вилок вверх.

– Как хочешь. Ну, а я больше не могу терпеть.

Он с довольным видом принялся за блины.

– М-м-м, – протянул Эрик и демонстративно прикрыл глаза от удовольствия.

Внезапно раздался длинный урчащий звук. Эрик улыбнулся.

– Этот дружище со мной согласен, – сказал он, указав вилок на живот Нины.

Она еще немного потупилась в проходе и, наконец, крадучись подошла к столу. Нина с удивлением разглядывала блюда, медленно взбираясь с ногами на стул. Такого количества еды она не видела никогда. Выбор с чего начать не предстал. Она определенно побывает в каждой тарелке!

В больнице пациентам не выдавали вилок, и Нина едва умела ими пользоваться. Она неуверенно ткнула в блины. На зубчики налезли сразу около пяти штук, голодные глаза посчитали это количество достаточным, и неважно, что живот столько не осилит. Перед глазами возникла мужская рука с коричневой бутылкой. Нина прочитала надпись «шоколад» и кивнула. Блины тотчас же покрылись толстым слоем жидкого шоколада. Нина жадно впиалась в стопку и откусила приличный кусок, который едва поместился за щеку.

Эрик не мог сдерживать улыбки. Нина была так мила с пухлыми щеками, измазанными шоколадом, смачным причмокиванием и беспрестанно ищущими по столу глазами, казалось, она уже и забыла о его присутствии. Эрик превратился в призрака, подливающего сок.

Блины исчезли быстро. После тщательных раздумий выбор пал на гренки. В этот раз руки предложили баночку, на которой красовалась аппетитная малина. Нина снова кивнула. Джем моментально оказался на гренках. О, какая вкуснотища! Этот джем был не просто далек от больничного, они были из разных миров! Нина не удержалась и вторила Эрику, закрыв глаза от удовольствия.

Покончив с гренками, Нина откинулась на спинку стула, прикидывая, что еще в нее может влезть.

В перерыве она, наконец, обратила внимание на ухмыляющегося Эрика.

– Спасибо за столь красноречивый комплимент! – сказал он, оценив ее аппетит.

Голод, наконец, выпустил Нину из цепких клешней, и она стала разглядывать детали вокруг.

– Тебе здесь нравится? – спросил Эрик, заметив ее интерес.

– Чей это дом?

Эрик был чрезвычайно рад тому, что она оставила привычное молчание. Он и не понимал, какая это привилегия.

– Мой, разумеется.

Нина медленно переводила взгляд с одного предмета на другой.

– Но ведь ты здесь не живешь.

Эрик улыбнулся. Нина определенно видит гораздо больше, чем обычный человек.

– Ты права. Я предпочитаю жить в городе, а здесь...

– Прячешься, – закончила Нина, чем вызвала еще больший восторг Эрика.

– Или прячу, – дополнил Эрик, подмигнув гостю.

Нина съела еще немного омлета и отодвинула тарелку.

– Что ж, теперь я бы хотел с тобой обсудить деловой вопрос, – начал Эрик.

Нина не подала вида заинтересованности, но Эрик продолжил.

– Ты ведь понимаешь, почему ты здесь?

Нина ответила прямым взглядом.

– Я бы хотел сразу дать определение нашим отношениям. Я их расцениваю, как чистой воды торговлю. Ты оказываешь некоторые услуги, я их покупаю. Вопрос стоит лишь в том, что именно я покупаю и за какую цену, – Эрик деловито постукивал пальцами по столу. – Проще говоря, что ты умеешь, Нина, и что ты хочешь получить взамен?

Нина неотрывно следила за его стучащими пальцами, словно они говорили больше, чем сам Эрик. Он задал вопросы, которые она ожидала, но которые по-прежнему оставались безответными для нее самой. Это не вопрос вроде «ты – аллергик?», где ответом может быть лишь «да» или «нет». Это вопрос из серии «а любишь ли ты яблоки?». Нет, я не люблю сырые яблоки, но я люблю яблочный пирог. Что ты хочешь? Денег? Нет, мне не нужно платить, но я хочу быть свободной. Хочешь власти? Нет, мне не нужны подчиненные, но мне необходимо чувствовать себя в безопасности. Что я умею? Я могу предсказать события и прочесть твои мысли. Вот только способности не работают как часы. Иногда им нужно время, из-за которого тебе может показаться, что я не умею ничего.

Нина встала из-за стола и медленно обошла его. Пальцы Эрика перестали выражать его уверенность и замерли, когда Нина приблизилась к нему настолько, что он мог разглядеть каждую родинку на ее лице. Он впервые заметил тонкую полоску, тянущуюся от губы к носу – след от давнишней заячьей губы.

– Когда ты задашь вопрос, я отвечу на него – вот, что ты покупаешь. Взамен я хочу получить твою ответственность, – произнесла она с самым деловым видом, который только могла изобразить.

– Ответственность за что?

– За меня.

Эрик ухмыльнулся.

– Ты хочешь моего покровительства? – уточнил он.

«Временно, пока не пойму, куда бежать дальше».

Улыбка сползла с его довольного лица. Он правильно понял, что сейчас произошло? Она ответила, не произнеся ни слова? Или ему послышалось? Нет, не может быть! Это снова повторилось, как тогда в аллее! Он определенно слышал ее голос! Вот только ее губы не шевелились!

Губы Нины медленно растянулись в ухмылке.

И Эрик понял, что она, действительно, умеет обмениваться с ним мыслями.

– Что ж, покровительство за ответы... Довольно честно, – сказал Эрик.

Эта девчонка казалась далеко не глупой.

– Согласен, – тихо произнес Эрик, удовлетворенный сделкой.

***

Зеркало – удобная штука, оказывается. Нина впервые видела свое четкое изображение. Отражение в стеклах зарешеченных окон не шло ни в какие сравнения с тем, что она наблюдала сейчас. Какую удивительную возможность дает эта тонкая пластина стекла – заглянуть в свои глаза! Она уже не помнит, кто ей сказал, что в глазах спрятана душа. Если это – правда, то она определенно делает что-то не так, потому что все, что она видит – это мутную серость с черным зрачком посередине. Может нужно смотреть под определенным углом или вглядываться не менее часа, чтобы, наконец, увидеть душу? В любом случае, даже если бы она увидела ее, то не испытала бы ничего кроме жалости. Этой душе досталась довольно чудовищная оболочка.

Нина стояла абсолютно нагая и разглядывала то, чем пугала окружающих: бледность кожных покровов нарочито подчеркивала выпирающие кости ключиц, ребер и тазовых костей; коленные и локтевые сгибы пугали заостренными углами; болезненная худоба лишила ее всех выпирающих особенностей женского тела. И если кости можно спрятать под одеждой, то осунувшееся лицо предательски выдаст впалыми щеками, яркой синевой под глазами и мертвецкой бледностью. Она могла бы висеть в качестве макета скелета в классе анатомии, никто бы не принял ее за живого человека. Мурашки пробежали по спине, когда в голове возникла мысль о том, что она так похожа на своих извечных компаньонов. В этом Их цель – сделать ее одной из Них, и Они почти преуспели.

Шрамы. Тут можно составить целый справочник по способам запечатления на теле Нины особо ярких моментов ее жизни. На запястьях и щиколотках они красовались толстыми полосами. Ее часто приковывали ремнями к койке, хотя она и не помнила этот процесс, потому что в это время пребывала за гранью реального мира. Но нестерпимая боль от натертых до крови кожных покровов была первым, что поздравляло с возвращением. Четыре ровные бледные полосы на лбу – по две с каждой стороны. Надо отдать должное врачам, так умело зашивавшим одни и те же рассечения по несколько раз. Некоторые видения были столь жестокими и болезненными, что приходилось насильно их прекращать. А другого способа, кроме сотрясения мозга, Нина не знала. Хотя у нее были предположения относительно электрического тока, но где в больнице она найдет шокер в свободном доступе? Зато стен и острых углов было хоть отбавляй. Кстати, благодаря последним, появился целый набор из травм: пятнадцатисантиметровый шрам на голени, рубец от колотой раны в правой подвздошной области, рваная рана на левой лопатке, а также залысина на затылке из-за трех, налегающих друг на друга шва.

Помимо травм, которые она получала во время припадков, были еще те, что она наносила себе сама. Ее бедра были расцарапаны в кровь. Боль, получаемая в процессе, помогала

заглушать Их голоса, притупляла желание причинять боль другим, но самое важное – боль от самоповреждений помогала чувствовать реальность и вырываться из кошмарных видений.

Счет синякам и гематом прекратился уже очень давно. Одни приходили на смену другим, в основном благодаря периодическим стычкам с санитарями. Нина внезапно подумала о Яне. Как много он ей прощал!

Горячие струи душа заставили задержать дыхание. Какое блаженство! Только сейчас Нина ощутила, насколько ее тело промерзло за сегодня. Или за последние двенадцать лет? Уже неважно! Как приятно! На полке стояло несколько бутылочек, она открыла и понюхала каждую, а потом недолго думая налила в ладонь из каждой. И ей было все равно, что на голове она растирала масло для бритья вперемешку с гелем для душа. Сейчас ей было важно стереть весь этот мерзкий больничный запах. Она намыливалась до красноты, пытаясь унять маниакальную мысль о том, что смывает не только грязь, но и всю уродливую часть ее мерзкой жизни, наполненную лекарствами, страданиями и обреченностью.

Возможно ли оставить прошлое в прошлом? Нина знала наверняка, что нет. Воспоминания всегда проложат дорогу в настоящее.

Вернувшись в спальню, она увидела оставленные для нее вещи, аккуратно сложенные на заправленной кровати. Футболка, джинсы, кеды. Едва прикоснувшись к ним, Нина поняла, что они новые. Эрик купил их для нее. Это невероятно приятное чувство – знать, что кто-то приобрел вещь специально для тебя! И, несмотря на то, что одежда была велика, теплота в груди продолжала отогревать одинокое сердце.

– Хм... Немного просчитался, – задумчиво произнес Эрик, увидев вошедшую в гостиную Нину.

Если свободную футболку можно списать на тенденцию подросткового стиля, то складки джинс под ремнем служили неумолимым доказательством его просчетов. Ну, а кеды, так это полный провал. С таким же успехом он мог одеть ее в свои сланцы.

– Это обязательно? – спросила Нина.

Эрик еще раз оглядел ее с ног до головы.

– По-моему, это – острая необходимость. Не волнуйся, мы заедем лишь в одно место. Там не задают вопросов.

Нина подтянула джинсы. Поход в магазин неизбежен ровно настолько, насколько полезен. Она слишком долго была оторвана от жизни.

– Ты же не собираешься ходить рядом со мной в больничном халате. Ты в курсе, что на нем запекшаяся кровь? – Эрик открыл дверь, ведущую в гараж.

– Он не мой, – тихий голос звучал, как извинения.

– В таком случае они могли хотя бы постирать его, прежде чем отдавать тебе. А то эти желтые пятна сзади пахнут определенно не соком.

– А вот пятна – мои, – еще тише произнесла Нина.

Эрик остановился и удивленно взглянул на Нину.

– Тебе что, нужны пеленки?

Нина сглотнула. Вопрос почему-то вогнал в краску, если это выражение применимо к бледному призраку. Подобным разговорам в больнице не было нужды, ведь там добрая половина пациентов – припадочные, и казусы вроде непроизвольного мочеиспускания или дефекации были нормой. Разумеется, неприятной нормой, но все же достаточной, чтобы не вызывать обсуждений или, что еще хуже, осуждений. Эрик же был из иного мира. Чистого, ароматного, нарядного. Даже его повседневный вид казался настолько вычурным, будто он собирался не в магазин, а на пышное празднование. Страшно было подумать, как он выглядит на торжествах. Надевает корону и седлает слона?

– Только на время приступов, – ответила Нина, опустив глаза.

Эрик задумался и через секунду заключил:

– Зацеллофаним матрас.

Нина мысленно отблагодарила его за простоту, с которой он принял ее проблемные особенности.

Эрик открыл ей дверь. Она не воспользовалась его протянутой рукой, хотя джип был достаточно высок для нее. Физический контакт с человеком типа Эрика был бы крайне опасен сейчас, поскольку спровоцировал бы спонтанный поток видений, к которым Нина еще не готова. Она обязательно увидит Эрика, но в свое время.

Джип выехал из гаража. С этого момента Нина навсегда приклеилась к окну.

Вот она какая – жизнь по ту сторону коробки!

Коттеджи исчезли довольно быстро. На смену пришла многополосная автострада. Эрик прятал ее в пригороде, примерно в тридцати километрах от города. Наверное, оно и к лучшему. В городе слишком много моментов, рискующих стать опасными для девушки, проводившей большую часть жизни в изоляции.

Многэтажные здания обозначили границы города. Нина не могла поверить, что она жила здесь когда-то. В детстве она редко выбиралась в город и даже не представляла его истинных размеров. Машин было очень много, людей еще больше. Многообразие вывесок и надписей повсюду: сверху вниз, слева и справа, спереди и сзади. Глаза не успевали прочитать и пару слов, как дома сменялись и пестрили новыми еще более красочными фасадами. Задержать внимание на одном лице – невозможно, оно слишком быстро исчезало в толпе. Что же такое город? Машины, люди, слова.

Нину бросило в жар. Слишком много информации! А работают только глаза! Она, наверное, еще не скоро осмелится опустить стекло и впустить еще больше картинок вместе со звуками и запахами улиц. Как все это далеко от больничного мира, где царила совсем иная жизнь! Там в тишине слышны лишь пение птиц, шелест листвы, завывание ветра, стрекот насекомых. Каждого человека можно разглядеть, досконально изучить и познать парочку секретов. Здесь же постоянный гул движения и суеты. Этим людям и в голову не приходило заняться привычным делом Нины – разглядывать причудливые созвездия или искать знакомые образы в облаках. У этих людей слишком много гораздо более важных забот.

Машина замедлила ход. Нина сразу определила пункт назначения. Вывеска с небольшими золотыми буквами ей ни о чем не говорила. Это фамилия? Или имя? Так сразу и не поймешь, чем торгует магазин, пока не помотришь на витрины. Манекены в строгих костюмах и платьях, все кажется скромным и неброским, но Нина нутром чуяла присутствие огромных денег вокруг этого места. Она уже начинала познавать новый мир. Свое богатство здесь стараются скрывать.

– Эрик! Дорогой! – раздался женский грудной голос, как только они зашли внутрь.

Смуглая женщина в черном облегающем платье торопилась к посетителям. Эрик обменялся с ней деловитым тройным поцелуем в щеки.

– Изабелла! Ты как всегда просто «белла!»

– Дорогой мой! Ты сегодня очень кстати! Мы только-только получили новую линию от Бриони! Твоя попка обязана оставить там след!

Женщина уже взяла Эрика под руку, готовая увести в черно-белые глубины мужских костюмов.

– Нет-нет-нет, – остановил ее Эрик, – сегодня главный герой не я, а вот эта молодая особа.

Наконец, внимание Изабеллы переключилось на стоящую у дверей Нину. Реакция женщины была моментальной. Улыбка исчезла, уступив место полному сражению. Видимо, Изабелла была не из тех, кто умеет врать, а потому оценивающе осмотрела Нину с ног до головы и спросила:

– Боже мой, Эрик, что это?

– Ну, да, она выглядит немного...

– Это она?! – Изабелла вытаращила глаза в попытке увидеть женские признаки в неопознанной особи.

Эрик засмеялся.

– Не будь стервой! Я приготовил для тебя задачку.

– Это не задачка, это катастрофа! Что у нее с волосами? Это новый тренд? – женщина подошла вплотную к Нине и брезгливо разглядывала неровные срезы и секущиеся концы собранных в хвост волос, боясь притронуться.

Нина чуть отстранилась, не понимая, чего от нее хотят. Эрик же с наслаждением наблюдал за тем, как Изабелла подвергала Нину исследованию.

– У нее есть имя?

– Зови ее Задачка, – улыбался Эрик.

– Ох, дорогой. Если бы я тебя не знала, то подумала бы, что ты издеваешься. Но я – профессионал, и восприму это недоразумение как комплимент! Ведь именно меня ты выбрал для... решения «задачки».

Изабелла ловко юлила между вешалками с платьями, блузками, брюками. Нина шла следом, Эрик завершал процессию. Наконец, Изабелла вывела их к примерочной.

Эрик устроился в кожаном кресле, Изабелла завела Нину в кабину, задернула штору и исчезла. Недоуменная Нина продолжала недоумевать, чего от нее хотят? Этот вопрос она будет задавать часто. Она выглянула из-за шторы с вопрошающим взглядом.

– Раздевайся, – шепнул Эрик, поняв безмолвный вопрос.

Через несколько минут явилась Изабелла с первой партией нарядов.

– Одевай! – скомандовала женщина, протянув вешалки за штору.

Когда в кабинке послышался шорох, Изабелла обратилась к Эрику.

– Ну, и кто она?

Эрик лишь улыбнулся.

– Знаю, мы не задаем здесь вопросов, но мы любим сплетничать, – женщина присела к Эрику на подлокотник, изящно закинув ногу на ногу. – Так что лучше дай наводку, иначе мы – женщины напридумываем всякого нелестного. Это твой новый фетиш или вид благотворительности? Или вновь обретенный родственник?

– Скорее последнее, – ответил Эрик, зная, что женщина не успокоится, если он не даст хоть немного информации.

– Я так и думала! Иного объяснения и быть не может! Помню, когда к нам на порог явился молодой хиппи – сын от первого или второго брака отчима – мама себе волосы рвала, не знала, как избавиться от этого слюнтяя! Он только и делал, что растил траву и дымил на балконе! Сколько было разбирательств с полицией, ты не представляешь! Отчим все надеялся, что этот тупица возьмется за ум и ... Э-э-эй! – Изабелла резко вскочила и подошла к вышедшей из примерочной Нине.

– Ну, уже совсем другое дело! – восклицала женщина, застегивая молнию на черном платье. – Боже, Эрик! Это самый маленький женский размер! Откорми ее! – фыркала консультант, расправляя складки на платье.

Нина растерянно смотрела то на Изабеллу, то на Эрика.

– Ну, же, – женщина указала на большое зеркало. – Да не бойся же ты, иди!

Нина робко подошла к зеркалу и взглянула на отражение. Вроде она, но в то же время и не она. Черное платье до колен с овальным декольте, и вроде донельзя простецкое, и, тем не менее, раскрывшее в исхудалом бледном теле привлекательные женские черты. Красивые женские руки обвили шею белым жемчугом и приподняли волосы в хвост.

– Это нужно исправить немедленно! – жестко бросила консультант, указывая на огрызки волос. – Смотри-ка, кажется, ей нравится!

Нина ничего не слышала, погружившись в отражение новой себя.

– Ну, все-все, давай. Нас ждет еще очень много вариантов! – Изабелла подтолкнула Нину за штору кабинки.

И началась бесконечная череда однообразных действий: раздеться, одеться, зеркало, раздеться, одеться зеркало. Незамолкающая Изабелла с очередными едкими комментариями, к которым Нине пришлось привыкнуть.

– Что ты сутулишься как старуха?! Вытянись!

– Эти волосы проще оторвать и выкинуть!

– Есть такое чудесное дамское оружие – косметика! Или этот прыщ – твой любимый питомец? В таком случае я бы его пристрелила!

– Эти ребра будут долго преследовать меня в кошмарах!

– Это каблуки, а не ходули! Выпрями колени!

И все это время, пока Изабелла заново отстраивала скелет Нины, последняя из всех сил старалась блокировать многочисленные видения, которыми женщина охотно делилась в подсознании. Эрик же деловито постукивал пальцами по планшету, ненадолго устаивая улыбкой и похвалой очередное перевоплощение подопечной.

Спустя несколько часов золотая кредитка пикнула на кассе, вызывая тщательно скрываемый восторг продавцов.

– Пообещай зайти на неделе, подберем тебе новые брюки, – Изабелла нежно завела прядь волос за ухо Эрика.

– У меня их уже полсотни из-за тебя, – улыбнулся Эрик.

– Ну, полсотни это не полтысячи, – подмигнула Изабелла и удалилась в зал на охоту за очередной жертвой моды.

На улице заметно стемнело, и освещение в бутике уже стало ярче уличного. Нина безумно устала, но нутром чуяла, что это далеко не конец дня. В больнице у нее было мало занятий. В перерывах между приемами пищи она либо гуляла, либо спала, либо читала какую-нибудь глупую книгу, что приносил Остап. За двенадцать лет она настолько привыкла к столь размеренному образу жизни, что этот поход в магазин можно было растянуть на неделю.

– Я договорился со стилистом. Он приедет к шести, – говорил Эрик, выворачивая машину на центральную улицу.

– Как считаешь? – Эрик пытался разговорить подопечную. – Нина, ты в порядке?

Нина едва заметно кивнула.

– Ты не обижайся на Изи. Она может быть резкой, говорить первое, что на ум придет. Но оскорбить умышленно – это не про нее. В ней нет гнили. Поэтому если тебе вдруг показалось, что она...

– Она спала с отчимом, – вдруг произнесла Нина.

Эрик оторопел. Мозг не был готов к столь серьезному заявлению невольного. Несколько секунд он растерянно молчал, пока разум пытался осознать сразивший его факт.

– О господи, Нина! – наконец, воскликнул он. – Что за...? Как ты такое можешь...? Ты же...

Эрик нервно стукнул по рулю, слова никак не давались языку.

– И со своим сводным братом-хиппи тоже, – добавила Нина, продолжая невозмутимо смотреть в окно.

– Так все! – Эрик резко затормозил и крутанул руль.

Машина остановилась на обочине, и Эрик развернулся к Нине.

– Ты не можешь так говорить! Я имею в виду... Ты не должна так внезапно огорашивать! Мне не нужно сообщать обо всем!

Нина взглянула на Эрика глазами, полными удивления.

– Но ты задаешься вопросом каждый раз, когда вы занимаетесь сексом в подсобке.

Эрик пораженно откинулся на спинку, пытаясь понять, какой из фактов удивил его больше: то, что она говорит о сексе, или то, что она говорит о его сексе с Изабеллой? А что еще она знает? Как много она знает о нем? Вдруг в голове мелькнула мысль, что все это – не такая уж и хорошая затея. Связаться с человеком, способным копаться в чужих головах. На что он рассчитывал? Что она раскопает чужое дерьмо, а его личное не увидит?

– Хорошо. Давай договоримся, – начал Эрик, когда ступор отошел. – Ты будешь отвечать только на вопросы, которые я адресую тебе лично, окей? Вербально ли, в уме ли, я спрошу тебя «Нина, а с кем трахается Изабелла?», и только после этого ты ответишь: «Она трахается с отчимом и братом», ладно?

Нина продолжала молча сверлить Эрика ледяным взглядом. Эрик тяжело вздохнул и снял ручник.

– Черт, с собственным отчимом? И с братом? – воскликнул он скорее себе, чем Нине. – Черт возьми, Изи!

Джип вернулся в автомобильный строй.

***

– Oh, mon Dieu! Oh, mon Dieu!¹ – причитал мужчина, бродя вокруг Нины.

Длинные волосы, собранные в хвост, безупречный маникюр, приталенная рубашка, зауженные брюки. Нет, это не о Нине. Это о стилисте, который всем своим видом больше напоминал плохую копию женщины, чем мужчину. Он внимательно разглядывал волосы Нины, изредка выбирал какую-либо несчастную прядь и изрекал долгую речь по-французски. По тону было легко определить, что он возмущался. Нина же безропотно сидела на табурете, покрытая черной плащевкой с непонятным названием и силуэтом женской головы посреди букв. Ее больше не задевали презрительные взгляды и осуждающие фразы. Хорошо, что Эрик решил привести в порядок ее внешность за один день, второго она бы просто не выдержала.

– Mais qu'est-ce que c'est la?!² – снова негодовал француз, отщипнув очередную прядь.

Эрик ходил возле них, но был слишком занят телефонным разговором.

– Bon, alors!³ Этот катаклизм я бы хотел поскорее забыть! Придется постараться, ma chérie⁴, – картавил француз.

Он опрыскал пульверизатором волосы и начал активно работать ножницами и расческой с металлическим наконечником. Ох, если бы он только знал, какие ассоциации возникают в голове Нины при виде подобных инструментов! Монстры сразу начинают скрестись внутри, рисуя в воображении варианты использования острия.

Можно вогнать рукоятку расчески в глаз по самое основание и вызвать смертельный отек мозга. Или же проткнуть брюшину, повредив аорту, смерть от кровотечения в таком случае наступит всего через пару минут.

– Рыжий пигмент подчеркнем колорированием, а здесь слегка осветлим, – француз общался сам с собой.

Тонкий ствол расчески, к сожалению, не подходит для ранения крупных артерий вроде бедренной или сонной. Зато, если хорошо прицелиться и проколоть легкое хотя бы в двух местах, французика захлебнется кровью.

– Или же обрамим челку? Нет-нет-нет! Пробор набок и естественная длина!

С парикмахерскими ножницами дело обстоит чуть сложнее, ведь они специально тупо заточены на острие, чтобы не нанести раны клиентам. Но при должном усилии они также могут нанести колотые раны в мягкие ткани живота, например...

---

¹ О мой бог (фр.)

² Что это такое? (фр.)

³ Ладно, итак (фр.)

⁴ Моя дорогая (фр.)

В гостиную вошел Эрик, прервав вздохи стилиста и садистские размышления Нины.

– Ну, как ты? – спросил он у нее.

– Oh, mon Dieu! Не спрашивай! – отмахнулся француз. – Поверить не могу, что волосы можно довести до такого состояния!

Эрик переглянулся с Ниной, и улыбнулся.

– Но через пару часов, она станет прекрасной, как богиня утренней зари! Коричневатый оттенок волос граничит с мягкой рыжеватостью! Мы подчеркнем эти красноватые оттенки, и она предстанет нам в образе огненного вихря, уносящегося в загадочный мир опасной и тем более притягательной огненной стихии! А здесь мы выделим более светлые пряди, будто проблески рассвета...

Пока француз уходил в собственный выдуманный мир метафор и аллегорий, все больше используя родной язык, отчего вскоре понять его стало невозможно, Эрик сел напротив Нины.

– Придется нам с тобой немного побыть здесь. Там опять что-то стряслось, – устало сказал он, указав на свой телефон.

Нина поняла, что речь зашла о делах.

– Завтра я съезжу в офис, узнаю, что там произошло. С тобой останется Фидо.

Нина кивнула. Если честно, ей уже было все равно, она была крайне измотана. К тому же, благодаря забывчивости Эрика, она пропустила прием лекарств.

Через пару часов француз, наконец, с облегчением вздохнул. Нина едва заметила изменения, но после его манипуляций волосы действительно стали другими. Более мягкие, аккуратно уложенные. Он подстриг их до плеч, и теперь они больше не висели спутанными патлами. Настоящее преображение предстало во всей красе на свету: пряди переливались разными оттенками меди: коричневым, бурым, красноватым и даже темным золотом.

– Не забывай про маски и кондиционеры, *ma chérie*! – крикнул напоследок француз и исчез за дверью.

Нина устало опустилась на диван. Ей становилось все хуже. Привычное головокружение стало более навязчивым, мигрень усиливалась, а она в свою очередь рождала опасное для этого состояния раздражение.

– Я голодный, как черт! Надо чем-то перекусить. Сделаем сэндвичи! С чем хочешь? Есть тунец, маринованный тофу, буженина где-то валялась... – говорил Эрик, копошась и стуча банками в холодильнике.

Нина едва слышала его слова из-за гулкой пульсации в ушах. Каждый доносившийся до нее звук отдавался эхом в голове и больно колотил по затылку. Нина чувствовала, как сознание растворялось в ноющей боли, еще чуть-чуть и она увидит своих извечных компаньонов. Мигрень – Их рук дело, таким образом Они перетягивали хозяйку в свой мир.

– Эрик, – позвала она еле слышно.

Эрик, наконец, перестал копать и обратил внимание на Нину. Только сейчас он заметил, что Нина сильно побледнела, а кожа на лице покрылась испариной.

– Лекарства, – также тихо сказала она, задыхаясь.

Эрик тут же бросил ковыряться с упаковками нарезок и подбежал к Нине. Он рефлекторно приложил руку к ее лбу, хотя едва умел определять жар таким образом. Это был скорее жест заботы, чем осознанная помощь.

Прикосновение Эрика тут же вызвало очень яркий и бурный поток видений, который моментально перевесил чашу весов в пользу Монстров. Галоперидол, служивший своеобразной цепью, на конце которой висела Нина, а внизу завывала мрачная пропасть – обитель жутких зрелищ и измученных призраков – выводился из организма, и мозг, лишенный дозы нейролептика, ослабевал под натиском болезни подобной ржавчине. Еще немного, и безобразные Стражи сгрызут ржавеющие звенья и утащат истерзанную душу в недра мрака. В подобном состоянии Нина все больше походила на губку, впитывающую воду из всех щелей. Кар-

тины из ниоткуда заполняли каждый сантиметр, каждую секунду реальности. Скоро граница между мирами сотрется, и она либо впадет в кататонический ступор, либо забьется в припадке паники. Все зависит от того, что эти Твари ей покажут.

– Мне нужны лекарства, – тихо прошептала Нина, отстраняясь от губительного прикосновения тяжелой ладони. Лишние видения сейчас ей определенно не нужны. Хватает и тех, что она улавливает из колебаний воздуха.

– Черт! Я совсем забыл о них!

Эрик судорожно осознал, что еще вчера оставил толстый желтый конверт где-то в машине. Если бы Ян узнал об этой оплошности, то пристрелил бы его немедленно!

– Нина, мне нужно спуститься к машине. Я отдам список лекарств консьержу и сразу же прибегу обратно! Оставайся на месте!

Эрик задержался в дверях, еще раз взглянул на Нину и понял, что у него совсем немного времени. Она в любую минуту норовила потерять сознание. А случись так, придется звать на помощь Яна со всеми его шприцами и воздыханиями типа «я же говорил!».

Нина закрыла глаза и сконцентрировалась на дыхании. Один из многочисленных лечащих врачей подкинул ей эту мысль, и как ни странно, она работала. С трудом вспоминая, почему так важно обогащать мозг кислородом (что-то ей там объясняли про отмирание клеток), Нина замечала, как с каждым глубоким вдохом проходит тошнота и головокружение. Эх, если бы только дыхание могло вылечить! К сожалению, оно не спасало от безобразной массы спутанных образов, источники которых находились порой за несколько километров.

Его появление она почуяла сразу, ведь Он пользовался ее глазами. Видеть себя со стороны – завидная способность, подумаете вы. Вот ты сидишь на диване, а в следующую секунду – уже на столе напротив, и наблюдаешь сам за собой. Все бы здорово, если бы второе Я не было уродливым монстром. Нина тяжело вздохнула и открыла глаза.

Еще секунду назад Он скребся где-то внутри. Теперь же отвратительная клыкастая морда наблюдала за ней, несмотря на то, что он не имел глаз. Он расположил свои скрюченные конечности на журнальном столике, выломленная из сустава рука болталась где-то возле пола. Его неустанный шепот, доносивший предсмертные молитвы людей, уже был не в голове, а витал в воздухе, становясь чуть громче с каждой минутой. Именно с помощью шепота монстры заволакивали Нину в потусторонний мир, выход из которого возможен только благодаря мощной антипсихотической терапии.

Щелкнул замок, закрипела входная дверь. Нине хватило секунды, чтобы понять: вошедший – не Эрик. Подобно зверю, Нина отличила незнакомый запах визитера.

– Эрик! – позвал мужчина и захлопнул дверь.

Уверенные шаги по длинному коридору, лязганье ключей в руке, и вот он вошел в гостиную, представ перед ее взором. Невысокий мужчина в коричневом костюме и бежевом галстуке. Проступающая седина скрывала цвет волос, но двухдневная щетина, на которую у него явно не было времени в последние дни, явственно обозначали рыжеватость. Волосы аккуратно зачесаны назад, они немного вились на концах. Нина видела, как женские руки гладили его костюм и завязывали галстук. Нина поймала себя на мысли, что эта незнакомка вызывает у нее гораздо больший интерес, чем визитер.

Едва войдя в гостиную, Роберт остановился, застигнутый врасплох. Не то, что он удивился присутствию девушки в квартире, ведь Эрик постоянно приводил сюда какую-либо одноразовую женскую особь, это было привычным делом. Девушки стали неким естественным, едва удостоенным вниманием, антуражем квартиры. Роберт и сам много раз пользовался их «заботой», пока Эрику было не до того. А еще пару лет назад они пользовались «заботой» нескольких девушек одновременно. И, разумеется, та, что он видел сейчас, ну никак не могла относиться к категории «заботливых» женщин. Девчонка больше походила на разносчицу пиццы или подростка с флаерами на углу улицы.

– Добрый вечер! – сказал Роберт, оборвав подозрительно затянувшуюся паузу.

Нина промолчала.

– А где Эрик?

Нина ответила немного погодя:

– Спустился к консьержу.

– Значит, скоро будет, – закончил мысль Роберт.

Нина не могла оторвать взгляда от мужчины, не заботясь о том, что он замечает ее неподдельный интерес к своей персоне. Он и представить не мог, что именно вызывало этот интерес.

Мир вокруг исчез, и Нина погрузилась в вакуумную коробку размером с гостиную. Так происходило всегда, когда она погружалась в изучение незнакомца. Своего рода мини-вселенная, эпицентром которой в данный момент был Роберт. Его тело излучало белое сияние, источающее потоки образов и сюжетов.

Роберт прошагал за кухонную стойку. Увидев разложенные упаковки нарезок, хлеба, соусов, мысль была однозначна.

– Сендвич? – спросил он.

Нина могла бы продолжить сидеть на диване и сражаться с головной болью, а могла бы погрузиться в тайный мир Роберта с его потрясающей историей жизни. Упустить столь великолепный шанс было бы чертовски глупо. Когда еще она останется с ним наедине? Нина медленно сползла с дивана и бесшумно села на стул за кухонной стойкой.

Роберт делал вид, что абсолютно равнодушен к странной личности, хотя в голове уже летал рой сбивчивых догадок. Невзрачная, неухоженная и до жути больная девчонка. Роберт понял, почему здесь пахло как в салоне красоты – это был запах краски с ее волос. Похоже, Эрик пытается сделать из нее человека, хотя следовало бы начать с хорошего откорма, а то эти скулы придадут слишком много сходства со скальпированным черепом.

Так они молча и сидели друг напротив друга, она – бесстыдно впившись в него глазами, он – демонстрируя высшую степень умения исследовать объект боковым зрением, изображая сущее безразличие. И только звук режущего ножа напоминал, что здесь еще присутствуют живые люди. Бессловесное единомыслие двух ученых-наблюдателей создавало борцовское напряжение: чей выпад будет первым?

И первым был Роберт.

– Этот с бужениной, – сказал он, поставив тарелку на середину стола.

Нина не стала медлить и протянула руку к тарелке. Мимолетный взгляд Роберта, проскользнувший по руке, не остался незамеченным.

– Уколы, – прохрипела она, почесав синяки на венах.

– Вижу, – ответил Роберт, надкусив сендвич. – Следы героина гораздо более красноречивы.

Нина надкусила многослойный треугольник. Сендвич был действительно хорош: хрустящие листья салата, сочный помидор, соленый огурчик, правда, буженина придавала вкус железа. С каждым проглоченным куском Нина наблюдала, как растет понимание в глазах Роберта.

– Сока? – предложил он.

Нина отложила сендвич и кивнула.

Роберт полез в холодильник. Мысли уже выстроились в логический ряд и то, что он осознал, привело в ярость. Он понял, кто она. Это сложно представить, но, похоже, Эрик действительно совершил нечто безумное.

– Значит, ты – та девчонка из психбольницы? – спросил он без стеснения.

На его лице проступало нескрываемое раздражение.

Нина взяла бокал.

– Роберт, – поприветствовала Нина.

Он едва заметно скривил лицом. Значит, Эрик говорил о нем (ах, если бы!). О чем еще он ей поведал? Она кажется спокойной, беззаботной, и донельзя самоуверенной. Это настораживало и тем больше раздражало.

– Как ты здесь оказалась?

Нина отпила сок.

– Хочу попробовать с тунцом, – ответила она.

Роберт ухмыльнулся. Ну, надо же, какая нахалка! Но, тем не менее, взялся за нож и рыбу.

– Эрик сказал, что ты помогла ему в одном деле. Хотелось бы узнать как, – Роберт яростно собирал слои сендвича.

– Горчичку не забудь, – подначивала Нина.

Роберт злостно ударил ножом по столу, завершив игру «кто кого».

– Хватит шуточек! Говори, как ты узнала про Пастаргаев!

– Мне вот интересно, а кружева тебе не жмут?

Роберт опешил. Нина победоносно откинулась на спинку стула, наслаждаясь гримасой удивления на лице Роберта. Кажется, она даже дала себе волю улыбнуться.

Роберт так и стоял огорошенный. Утром он поспорил с Лидией, что сможет проходить в ее белых кружевных стрингах до конца дня. Идея казалась сумасшедшей и вместе с тем безумно уморительной. В этом была вся Лидия – она обожала шаловливые выходки, и Роберту это нравилось. А сейчас полуживая девчонка явно продемонстрировала глубокие познания района его паха, и он уже не разделял утреннего веселья, особенно когда эти кружева натерли зад.

– Роберт? – послышалось сзади.

Запахавшийся Эрик стоял в дверях гостиной.

– Что ты здесь забыл?

– Видимо, познакомиться с твоей гостьей, – ответил Роберт, нервно швырнув кухонное полотенце на стол.

– Я же говорил, встретимся завтра. Сегодня у меня нет времени.

– Я уже понял, – эта реплика скорее предназначалась для Нины.

Эрик прошагал к ней.

– Ты как?

Она привычно промолчала.

– Нам надо ехать. Дело есть, – Роберт старался скрыть недовольство в тоне, но это мало удавалось.

– Справьтесь без меня. Сегодня я занят.

Роберт громко хмыкнул и приготовился читать очередную тираду.

– Слушай, мне наплевать, чем ты занимаешься в свободное время! И я даже не собираюсь обсуждать, какая это была тупая идея – тащить сюда сумасшедшую девку! Да трахай ты хоть зомби, я не желаю вмешиваться! Но случилось реальное дерьмо, и мне наплевать на твое очередное увлечение!

– Да ты погляди на нее! Она еле дышит! Как она поедет?! – упирался Эрик и тут же осекся.

Глаза Роберта расширились еще больше.

Эрик понял, что немного поторопил события. Он-то уже давно сложил в уме два плюс два, и в воображении Нина пребывала в офисе возле него. Осталось только преподнести это все ребятам. И задача стояла непростая.

– А при чем здесь она? – медленно произнес Роберт.

Эрик виновато провел рукой по волосам.

– Она нужна мне в офисе, – деловито ответил Эрик и принялся убирать кухонный стол.

– Да неужели? Может, тогда нам всем стоит привести девок в офис?

– Поверь, она нам всем нужна! – Эрик с силой хлопнул дверью холодильника.

– Вы посмотрите! Это кто у нас тут сидит? Человек, который решит все наши проблемы? Даст ответы на все вопросы? Так что ли? Ну, хорошо! Давай устроим небольшое тестирование! Хм, чего бы у нее такого спросить? – Роберт нарочито ходил позади Нины, изображая глубокую задумчивость. – А-ха! Пусть-ка она нам скажет, кто сдал наш Вендский трафик копам? А может, они – такие же гении, как и она, и нашли его сами?

– Твою мать, – выругался Эрик.

Трафик через богом забытый городишко, или как они называли его «Вендский трафик», в честь одной из древних держав, похоже, повторил участь тески. Новость была действительно дерьмовой. Этот путь соединял спрятанные в горах поля травы с людским миром, и был одним из самых плодоносных. Своего рода артерия, питающая тело. Труднодоступность тамошних мест позволяла содержать огромные площади, да и сама трава была очень качественной. Эрик не помнил деталей, но его химик что-то говорил об особом горном климате. Теперь же с Вендскими полями можно распрощаться. Копы обязательно найдут их, это лишь дело времени.

– Ну? Что-то не слышу ни одной мысли, – ухмылялся Роберт.

– Я понял тебя! – рявкнул Эрик. – Мы сейчас спустимся.

– Мы? – недовольно переспросил Роберт.

– Да, черт подери, мы! Спускайся и жди нас внизу!

Роберт злобно посмотрел на друга, потом на Нину. Он умел читать лица людей, но вот ее прочесть не смог. Настолько оно казалось безжизненным. Нина покачивалась на стуле и продолжала сверлить Роберта ядовитыми глазами.

Эрик исчез в глубинах квартиры. В гостиной вновь воцарилось молчание. На этот раз Роберт бросил притворные игры и в открытую сверлил Нину злобным взглядом. Но в ответ получил лишь стеклянный взор, словно она уже потеряла интерес к нему.

– Так или иначе, я найду тебя.

Я заполучу, заполучу тебя.

Так или иначе, я тебя завоюю.

Я заполучу, заполучу тебя.⁵

Нина распевала полупшепотом знаменитую песню. Она никогда не слышала ее прежде. Да и пела не она. Монстр, по-прежнему сидевший на журнальном столике – песня исходила из клыкастой вонючей пасти, а поскольку он не имел места в реальном мире, то пользовался телом Нины. И сейчас он ею пел.

Роберт резко развернулся и зашагал прочь.

Эрик вернулся через пару минут в черном деловом костюме, будто он и впрямь собирался в офис, подобно белым воротничкам. Вот только редко какой офис начинал работать поздним вечером. Он присел на соседний к Нине табурет.

– Ты же понимаешь, я не могу оставить тебя одну. Ты посидишь с моими ребятами, пока я буду решать вопрос. Хорошо?

Нина глубоко вздохнула и произнесла:

– Ты все равно позовешь.

***

Роберт сел в машину, с силой хлопнув дверью, и тут же пожалел. Он любил свой BMW семьдесят девятого года, и причинять такую «боль» машине было кощунством. От подобных мыслей он еще больше разозлился на Эрика.

– Гребаный извращенец! – выругался Роберт и начал раздраженно крутить ручки ретро аудиосистемы.

Послышалось шипение, и вскоре в машине раздался голос молодого диджея.

---

⁵ One way or another I'm gonna find you I'm gonna get you, get you, get you, get you One way or another I'm gonna find you and get you (Песня группы Blondy)

– А у нас наступает вечер пятницы! Наконец настали долгожданные выходные! Никакой работы...

– Да что ты говоришь?! – огрызнулся Роберт.

– ...начальства, никаких дедлайнов! Зажигательные выходные начинаются здесь и сейчас! На радио «Один»! А начнут их неподражаемые легенды рока Блонди!

Послышалась музыка, и к ужасу Роберта сиплый женский голос запел:

– Так или иначе, я найду тебя.

Я заполучу, заполучу тебя.

Так или иначе, я тебя завоюю.

Я заполучу, заполучу тебя.

– Да ты издеваешься! – рявкнул Роберт и еще ожесточеннее закрутил ручку.

– ... да-да-да, действительно, нужно обсуждать проблему, рассматривать ее с различных сторон и остановиться на варианте, который устроит обоих, – шепелявил какой-то профессор. – Главное – погасить конфликт в зародыше и не помешать ему разрушить отношения...

– Да пошел ты! – Роберт стукнул по приемнику.

В машине стихло. Надолго.

Они ехали в полной тишине. Роберт сосредоточился на дороге и не желал говорить о чем-либо в присутствии привидения на заднем сидении. Запах краски от ее волос раздражал, больной вид будоражил воображение страхом заразить машину гепатитом или сифилисом. Слава богу, она потеряла интерес к Роберту. Серебристые глаза неотрывно смотрели в окно. И только Эрик шуршал пакетом и что-то бубнил под нос.

– Клозапин... нет...Рисперидон, а это от чего? – Эрик перебирал бутылки, потом что-то вычитывал в блокноте и с раздражением вздыхал.

– Так, внутривенно при потере аппетита, не то... ламотриджин... Твою мать! Этим списком можно убить целое стадо!

– Что там у тебя? – не выдержал Роберт и выдернул блокнот из рук Эрика.

Как оказалось, это был перечень лекарств, написанный от руки с инструкциями по применению.

– Что за черт? – выругался Роберт, изучая список. – Половина из них крышу снесет!

– Я думаю, в отношении Нины они работают прямо противоположно.

Роберт озадаченно переглянулся с другом. Как говорят, клин клином вышибают? Похоже, крыша Нины, действительно, витала где-то далеко, раз столько химических формул силились ее вернуть.

– А какие у нее симптомы?

– А что не видно? Хреново ей! – нервничал Эрик.

– Нина, нам нужна помощь! Что у тебя болит? – спрашивал Роберт, поглядывая в зеркало заднего вида.

Но Нина либо была слишком увлечена панорамой ночного города, либо как всегда не желала говорить.

– Нина, пожалуйста, не молчи! Иначе придется звонить Яну! – завыл Эрик.

Нина, наконец, оторвалась от окна.

– Ну же, девочка, подскажи нам, что тебе нужно? – скомандовал Роберт.

Нина закрыла глаза, глубоко вздохнула и прошептала:

– Успокоиться.

Роберт тут же впился взглядом в список. Кажется, он начал понимать эту девчонку.

– Дай ей аминазин, – сказал Роберт после тщательного изучения списка.

– Ты уверен? – Эрик ковырялся в лекарственных аппаратах, ища нужный.

– Нет, черт побери, не уверен! Это одно из семи названий, которые мне знакомы!

– Я не могу ей дать наугад! Вдруг она помрет!

– А если она помрет в моей машине, я прирежу тебя рядом с ней! – заревел Роберт.

На секунду в машине стихло. Эрик понимал, то Роберту надо освободиться от злобы, а крик был единственным полезным для него способом. Роберт нервно пригладил волосы на макушке и спокойно заговорил:

– Лидия рассказывала, что принимала аминазин. Он оказывает седативный эффект.

Этого было достаточно. Эрик мысленно улыбнулся. В какой бы ситуации он не оказался, а Роберт на то и был его лучшим другом, он всегда поможет, даже если в эту минуту хочет подвергнуть тебя мучительной смерти.

Эрик нашел нужный пузырек, и уже через секунду Нина запивала горькую таблетку водой. Знакомый вкус тут же напомнил о запахах больницы. И только вид за окном растворял эти болезненные воспоминания.

Городская ночь кардинально отличалась от больничной. Там в сотне километров отсюда ночь опускалась непроницаемым мраком, здесь же она едва темнее дня. Миллионы вывесок теперь казались еще ярче. Блеск, сияние, переливы цветов – все сверкало вокруг, словно в сказочном мире. Неудивительно, что на улицах так много людей! Похоже, город никогда не спит. Он словно монета – две стороны, сделанные из одного сплава, однако их образы различны. Орел и решка. Аверс и реверс. Как две стороны жизни. Нина держала монету в руке, скоро придется ее подбросить.

Машина замедлила ход. Мимо проплыло здание с ярко горящей надписью «Геенна». Нина сразу его узнала. Она много раз видела это место в мыслях Эрика. Компактно устроенный развлекательный комплекс. Поначалу задумывался как ночной клуб, но с развитием бизнеса открылись и новые перспективы. Теперь под крышей огромного комплекса размещался не только один из самых популярных ночных клубов в городе, но и люксовый ресторан, небольшое казино скорее для личных встреч, чем отмыкания денег, подпольный бордель с элитными работницами и даже просторная сауна с бассейнами. И в глубине логова грехов размещался труднодоступный головной центр наркоимперии.

Машина остановилась недалеко от входа в ночной клуб, куда тянулась длинная очередь наряженных людей. Они готовы часами выжидать возможность развлечься в заветном месте, где свободно торгуют амфетамином, коксом и качественным гашишем. Здесь можно «закинуться» без страха быть пойманным. То, что происходит за дверями геенны, никогда не выйдет наружу.

Их уже ждали. Шестеро рослых мужчин в костюмах, один – копия второго. Перекачанные мышцы нещадно рвали пиджаки по швам. Казалось, что их мощные тела способны остановить даже пули.

– Макс, – Эрик вышел из машины и пожал руку одному из парней.

– Все уже внизу, – голос Макса был жутко хриплым из-за ранения, которое зацепило голосовые связки.

Эрик открыл заднюю дверь автомобиля.

– Это – Нина, – сказал он Макс. – С этих пор отвечаешь за ее голову также, как за мою.

– Понял.

Нина ждала посреди кучи мужчин в костюмах, пока они пожимали руки, справляясь о здоровье и делах, ни на секунду не интересуясь искренне ни о первом, ни о втором. Когда ритуал приветствия был закончен, они двинулись к одному из торцовых входов здания.

Внутри они прошли через подсобные помещения, заваленные коробками и пыльной мебелью, и направились на лифте вниз. Нина слышала, как наверху гудела и била басами энергичная музыка, достаточно заводная, чтобы заставить Нину незаметно настукивать ритм пальцами по бедру.

Двери лифта открылись, и они очутились в сером облезлом коридоре, где их ждали еще четверо мускулистых клонов, но эти в отличие от сопровождающих держали грузные автоматы

наперевес. Эрик и Роберт лишь кивнули мужчинам и прошли мимо. Нина мало понимала, где они находятся, но те расстояния, что они преодолели, подсказывали, что они уже должны были выйти за пределы здания. А этот многопроходный подвал скрывал путь в одно из тайных прибежищ.

– Марсель и Авель, – позвал Эрик, открыв дверь в, как оказалось, старую котельную, – сидите здесь и приглядывайте за Ниной.

С этими словами Эрик повернулся к ней.

– Как ты себя чувствуешь?

Нина слабо кивнула и уселась на старый деревянный стул.

– Держись, я недолго, – сказал Эрик и исчез.

Как поняла Нина, они находились в переоборудованном старом подземном гараже, забытом городскими службами после капитального ремонта ветхого жилого дома. Сейчас это было выкупленное коммерческое здание с большой круглосуточной автомойкой, под которой и располагалось одно из убежищ – огромный подвал, по сути.

– Наконец, пропащая душа объявилась! – воскликнул Дэсмонд, зажимая сигарету в зубах.

– Ты уже на ногах? – спросил Эрик, обнимая друга.

– Такое дерьмо и из могилы вытащит!

– Давайте сразу к делу, – предложил Эрик.

– Ладно, – начал Рудольф, – проблема в следующем: у нас больше нет вендских полей, трафик сдан, кем – неизвестно. Полицейские нагрянули, как снег на голову. Сработали очень быстро, скорее всего, отрабатывали перехват несколько дней.

– Из чего делаем вывод, что следили давно, а это делает возможным наличие прямых уликов против нас, – продолжил Дэсмонд.

– Марк? – спросил Эрик.

Парень откашлялся, как на экзамене, и заговорил:

– С отделом связался, пока против нас никаких подтвержденных данных не имеют. Но эти новые следователи осторожничают. Они прекрасно осведомлены о развитой системе подкупа в их отделе.

– Ущерб – около двух лимонов, – важно констатировал Дэс.

– Плевать на ущерб! – сказал Роберт. – Главное, чтоб на нас не вышли!

– А много нашли? – спросил Эрик, стянув сигарету из кармана Дэса.

– Несколько десятков килограммов точно будет. Но наши – молодцы. Они среагировали тотчас, как узнали об облаве на шоссе. Восемь полей сожгли подчистую, но пожарные добрались до оставшихся, – рассказал Рудольф.

Наступило напряженное молчание. Рудольф присоединился к «пыхающему кружку» и достал свои сигариллы.

– Ладно, – наконец, произнес Эрик, – Марк, держи своих на подвязях, как только где-нибудь мелькнут наши имена, пусть сразу же сообщат. Роберт свяжись с покупателями, скажи, что поставим другой сорт.

– Это будет непросто, у нас очереди именно на вендскую траву.

– Предоставь хорошие скидки. Придумай что-нибудь!

– Самое важное сейчас – отыскать предателя, – констатировал Рудольф. – Репутация подмочена, но если не наказать ублюдка, мы ее утопим.

– Рудольф прав. Показательная казнь – вещь, проверенная временем, – согласился Дэс, разминая кулаки.

– Мы привели Игната, – сказал Марк.

Эрик вскинул бровь.

– Грузовики перехватили после выезда из Сосен. Возможно, Игнат причастен, – объяснил Марк.

– Исключено! Игнат отвечает за свою точку уже три года, зачем ему плевать в колодец? – спорил Рудольф.

– А затем, чтобы шкуру свою спасти, – ответил Дэс.

– Дэсмонд прав, – согласился Роберт. – Эти хреновы блюстителю порядка в шантаже похлеще нас разбираются.

– Приведите его. Пообщаемся, – решил Эрик.

Макс немедленно дал команду людям. Уже через минуту они вернулись с Игнатом. Невысокий полноватый с черными усами и стрижкой ежиком. Военный, списанный по инвалидности за потерянную кисть, получивший от государства благодарность за службу и гроши, которых даже на еду не хватало. Медаль за отвагу он продал еще в первый год пенсии. Вот и весь результат патриотизма: искалеченное тело и жизнь, потраченная впустую. В момент, когда он засунул дуло дробовика себе в рот, раздался телефонный звонок. Эрик нашел его вовремя.

– Эрик, Роберт, Рудольф, – Игнат пожимал руку всем, кого еще не видел.

Он заметно нервничал. Причина очевидна – его место работы сожжено дотла.

– Игнат, ты не волнуйся, мы должны выяснить, что произошло, – начал Рудольф, испытывающий лишь положительные чувства к старику.

– Конечно, конечно, мне скрывать нечего, – закивал Игнат.

– Был ли кто-то, кто не вышел в смену сегодня? – спросил Роберт.

– Из сегодняшней смены на ферме были все, – отвечал Игнат, стараясь скрыть дрожь в голосе.

– Это ничего не значит, – сказал Дэс, – предатель может быть и из сегодняшней смены, если у него сделка со следователями. А может быть и с другой, чтоб не попасть в клетку в день облавы!

– В любом случае предатель с твоей территории, Игнат, – заключил Роберт.

Игнат виновато закивал. Пот заструился по его лбу.

– Я сделаю все, чтобы его найти, – сказал он.

– Ага, вот только хрен мы тебе это доверим! – сплюнул Дэс.

– А была ли у легавых возможность отследить график вывоза? – спросил Эрик.

– Только по чистой случайности. Грузовики подготавливают заранее, а время доставки назначает Игнат максимум за два часа до выезда, – объяснил Роберт.

– Так что, понимаешь, Игнат, о времени вывоза знал только ты! – Дэс, хромая и разминая кулаки, подошел к старику.

Но Игнат не собирался сдаваться в зубодробительную машину.

– Не только! Перед отправкой я звоню на склад и объявляю время приема! А это значит, что утечка могла произойти со склада!

По мере приближения Дэса, Игнат сильнее сжимал кулак. Он знал, что даже хромой этот неуравновешенный тип представлял большую угрозу.

– Да? Ну, до них очередь тоже дойдет! А сейчас мы разбираемся с тобой! – не унимался Дэс.

Игнат глубоко вздохнул, пытаясь успокоить напряжение, что создавали накачанные мускулы Дэсмонда. Старик был опытным и понимал, что говорить здесь следует не с солдатом.

– Эрик! – позвал он. – Я оплошал! Позволь мне исправить ошибку! Я сам найду предателя! Я умею выслеживать таких!

– Да, как же! Что-то ты не выследил его на ферме! У себя под носом!

– Дэс, прекрати! – сказал Рудольф.

– Я найду его!

– Ага! Отпустим тебя, и тут же ударишь в бег!

- Не пытайся нависать надо мной, щенок!
- Что ты сказал?!
- Щенок!

Дэс замахнулся кулаком, но Игнат ловко подставил культю, отразив удар, и отвесил смачную пощечину, подобно отцовской оплеухе. Дэс едва удержал равновесие.

- А старичок-то свежачок, – свистнул Марк.
- Ах, ты гнилая сука! – взревел Дэс и накинулся на Игната.

На старика посыпался град мощных ударов, но он лишь принял защитную стойку. Не в его совести бить заносчивых мальчишек.

К счастью, атака Дэса была краткосрочной. Все, кто были рядом, немедленно разняли ссорящуюся парочку. Фактически они оттаскивали вопящего Дэса, потому что Игнат и не думал вступать в бессмысленную драку.

– Я прикончу тебя, сукин ты сын! – орал Дэс, окруженный шестью мужчинами. Казалось, раненное бедро нисколько его не беспокоило.

– Эрик! Я клянусь, я бы никогда не смог этого сделать! Я – военный! Для меня верность – отработанный рефлекс! Я не предавал вас! – его голос вдруг стал жестким, словно он действительно вспомнил годы боевой славы.

– Да, конечно! Сначала служил государству, а теперь продаешь его детям траву! Ты верен только жажде денег, дряхлый ты, пидор! – не унимался Дэс.

– Заткнись, салага! Ты и понятия не имеешь, что такое война! Играл здесь крутого рэмбо, а на настоящее поле боя выйти – кишка тонка!

- Ну, иди! Иди сюда! Покажи мне мою кишку, покажи!

Дэс снова попытался накинуться на Игната, но не смог прорваться через забор из охранников и друзей.

- Эрик! – крикнул Роберт, призывая того сделать что-нибудь.

Эрик делал – он думал. Дэсмонд не успокоится, пока не прикончит предателя, а является ли Игнат таковым – надо доказать, вот только на доказательства нужно время, которого они не имели. Возможно, они только тратят его здесь на Игната, пока настоящий предатель пытается уехать как можно дальше от города. А может быть все гораздо привычнее, и Игнат, действительно, решил выйти из игры и сдать крупную рыбу взамен на программу защиты свидетелей.

Эрик тяжело вздохнул. Пускать Игната в расход ему не хотелось. Даже однорукий этот старикашка стоил трех бригадиров.

И тут его посетила блестящая мысль.

- Заткнулись все! – закричал он, восстанавливая порядок.

Наступила тишина.

Эрик многозначительно поднял в воздух палец и произнес:

- У меня есть решение.

Он посмотрел на Макса, держащего Дэсмонда подмышками.

- Приведи ее.

Макс тут же выпустил озадаченного Дэса и исчез в дверях.

- Кого ее? – спросил тот, уже забыв об Игнате.

Друзья недоумевали, концентрируя на Эрике взгляды, заставляющие витать в воздухе вопрос. И только Роберт выделялся из толпы удивленных глаз. Он смотрел на Эрика и беззвучно вопрошал: «Ты чего делаешь?!»

Эрик молчал. А чтобы друзья не заметили его сомнения, отвернулся. Он и сам не знал, что делал.

Вскоре недоумевающие взгляды переметнулись на звуки приближающихся шагов.

Нина вошла за Максом в просторное помещение. Окинув взглядом находящихся в помещении людей, Нина практически сразу поняла, что происходит – картинки мелькали наперебой. К сожалению, Эрик дал ей неправильную таблетку.

Чтобы отключить ту часть мозга, что отвечает за ее способность «видеть», надо принимать антипсихотики вроде галоперидола или рисперидона. Аминазин же всего лишь успокоил ее эмоциональное состояние: уменьшил напряжение, снял страх, расслабил мускулатуру. А если бы она выпила две таблетки, то сейчас бы уже тихонько посапывала в кошмарном полусне.

Но благодаря тому, что Эрик отнёсся к требованиям Яна относительно медикаментозной терапии Нины в высшей степени несерьёзно, Нина галлюцинировала все больше. Бесконечные сменяющиеся образы становились все реальнее и все осязатее.

– Нина.

Эрика звал ее откуда-то издалека. Такой мягкий и мурлыкающий голос. Он расчёсывает мокрые волосы, обмазывает лицо лосьоном после бритья, что-то напевает. Его руки нежно проводят по её голой спине, он шепчет ей на ухо: «Ты нужна мне...».

– Нина!

Она вышла из бреда, едва вспомнив, где находится. Снова осмотревшись вокруг, она была рада, что ещё способна отличить реальность от сна.

– Как ты? – спросил Эрик, стоя возле неё.

Она привычно промолчала.

– Ты была права, мне нужна твоя помощь, – прошептал он.

Мужчины следили за тем, как Эрик подвёл незнакомку к Игнату. Девчонка была жутко хилой и, кажется, под кайфом.

Рудольф взглянул на Роберта. Тот лишь отвернулся. У него не было ответа на его вопрос.

– Нина, это – Игнат, – представил Эрик. – Мне нужно узнать, говорит ли он правду.

Эрик не побоялся произнести слова в полный голос. Теперь скрывать причину ее присутствия было бессмысленным.

Нина не стала медлить. Она подошла к Игнату вплотную и стала прижиматься, чем смущала старика. Он слегка попятился, но она снова приблизилась к нему так, что он мог рассмотреть каждый шрам на ее лице. Нина закрыла глаза и стала слегка покачиваться, тяжело дыша. Игнат даже немного выставил руку вперед, чтобы поймать ее, если она вдруг надумает потерять сознание. Постояв так немного, Нина положила голову на грудь Игната и снова замерла.

В пограничном состоянии найти нужную картинку нетрудно, надо всего лишь следовать за мыслями Эрика и искать видения, подходящие к ним.

Через минуту Нина открыла глаза и попятилась от Игната.

– Он говорит правду, – сказала она вслух.

Эрик не двигался, надеясь, что это – не все, что она хочет сказать.

Нина медленно выискивала взглядом нужное лицо и вдруг остановилась на Дэсмонде.

– Тебе нужен мужчина с разноцветными глазами, – добавила она.

Молчание растянулось еще на минуту. Мужчины переглядывались, пытаясь найти кого-то кроме Эрика, кто мог бы объяснить, что происходит. Звонкий голос Марка прорвал тишину:

– У Альберта гетерохромия. У него один глаз – синий, а другой – зеленый.

Наконец, мужчины стали выходить из оцепенения.

– Альберт? – переспросил Рудольф.

– Да, парень со склада! Мы взяли его три месяца назад!

Тут уже очнулся Игнат:

– Ах, ты ж паскуда! Он звонил мне перед отправкой, чтобы уточнить время! Скотина!

– Немедленно разыскать его! – сказал Эрик Макс.

– Я с него шкуру живьем сдеру! – ревел Дэс.

– Отправляйте людей сейчас же! Легавые уже наверняка гасят его! – добавил Рудольф.

Все вдруг всполошились. И только Роберт продолжал молчать и сверлить Нину недоверчивым взглядом. Он удивился, как быстро ребята приняли информацию за достоверную. И Игнат подтвердил! Какое совпадение! А ярость Дэсмонта настолько слепа, что ему все равно кого калечить. У него талант выбивать из людей то, что он хочет услышать! Ох, Нина! Какое безупречное манипулирование людьми!

– Макс, сообщи всем, что мы ищем этого гада! На улицах, в барах, в участках: всем! Найди его в кратчайшие сроки! – говорил Эрик.

– Я пойду с ним, – сказал Рудольф.

– Нет! Вам нельзя высовываться. Я пойду! – вызвался Игнат. – Я должен отработать свой промах!

– Ты не виноват, – протестовал Эрик.

– Нет! Облава произошла на мои грузовики! Я должен отработать!

Друзья переглянулись. Эрик кивнул.

Уже через минуту офис опустел. Мужчины отправились на охоту.

Макс организовал настоящую травлю. В течение часа были проинформированы все рабочие точки: от уличных дилеров до полицейских. Все маломальские забегадки, где окантовывались работы со складов, были взяты под наблюдение. Квартира Альберта перевернута, его машина отслеживалась дорожным патрулем. Если он в городе, он не сможет его покинуть.

Размер вознаграждения и оперативные действия Макса быстро дали результаты. Звонок на мобильный раздался в машине, когда Роберт вез Эрика и Нину обратно в апартаменты.

– Эрик, они нашли его, – говорил Дэсмонд в телефоне.

– Это отличная новость, приятель. Ты все проконтролируешь?

– Да. Я жду их на четвертом складе. Они уже везут его.

Эрик взглянул на Нину, сидящую на заднем сидении, и по обыкновению смотрящую в окно.

– Сделай все аккуратно, – сказал Эрик.

– Сделаю, как надо.

Нина наблюдала за тем, как в десяти километрах от нее Дэсмонд примерял кастеты. Там было семь или восемь разновидностей. Каждую Дэсмонд надевал на кулак и отрабатывал удары в воздухе. Он был возбужден от предстоящего веселья. Еще он любил работать ножом, но особо не увлекался. Садистские замашки вроде ворошения внутренностей на живую его не прельщали. Нож был скорее неким абстрагированием от увлечения боксерской груши из плоти.

Эрик был уверен, что Нина не должна знать об этой отвратительной кровавой стороне бизнеса. Он будет оберегать ее сознание от подобных моментов. Вот только он не был осведомлен о ее безупречном нюхе на кровь. Она увидит ее даже будучи за километры. Воздух донесет металлический запах, а агонические крики жертв будут преследовать ее до конца жизни.

Во втором часу ночи она добрела до спальни уже совсем без сил. Эрик помог ей снять кеды, и она так и легла в одежде, не расстелив кровать. Едва коснувшись подушек, Нина нырнула в очередную параллель, наполненную образами нагих людей, извивающихся в экстазе. Бесчисленное множество незнакомых женских тел сливались с телами уже известных ей мужчин.

Нина собрала последние силы в кулак и встала с постели.

– Что не так? – спросил Эрик, уже держа наготове плед.

Нина устало мотнула головой, закатывая глаза.

– Я не могу здесь спать.

– Хорошо, – закивал Эрик, – можешь поспать у меня...

Нина снова замотала головой. Эрик не понимал ее. А как ему объяснить? Отведи меня туда, где вас нет? Нина взяла из его рук плед. Образов нет. Новый. И вышла из комнаты. Она чувствовала, что есть где-то в этой огромной двухэтажной квартире пустынное место. Она

побрела на полусогнутых ногах туда, где голоса становились тише, а видений – меньше. Эрик, не понимающий, что происходит, просто шел за ней следом, готовый поймать Нину, если она надумает потерять сознание.

Нина забрела в спальню Эрика и тут же направилась к просторному гардеробу. Голоса здесь были приглушены, видения – более туманные, но вот запах крови с одежды и ботинок никакая химчистка не сотрет. Нина развернулась и почти бегом направилась к коридору. Монстрам сейчас только и нужна кровавая подпитка, чтобы довести ее до припадка.

Следующим пунктом стала одна из ванных комнат. В этой части апартаментов было уже спокойнее, но Нина почувствовала пустоту за стеной, и решительно направилась в еще более отдаленную и даже скрытую часть этажа.

Когда она открыла неприметную дверь в конце коридора, она поняла, что нашла место, где могла бы отправить сознание в полет сновидений, будучи уверенной, что никто из живых не воспользуется ее уязвленным состоянием во время сна.

Эрик прошел за Ниной в комнату прислуги. Он никогда ее не имел. Комната всегда пустовала, а уборкой занималась частная клининговая фирма. Но он точно знал, что в предыдущей семье была личная горничная, и сейчас Нина ковырялась в ее платяном шкафу.

Нина смерила взглядом комнату. Дух рыжеволосой полячки мало присутствовал здесь. Большую часть времени женщина проводила вне комнаты, чему Нина была очень рада. Чтобы еще больше оградиться от навязчивых образов, Нина забралась в шкаф.

– Я буду спать здесь, – заявила она.

Эрик стал понемногу понимать Нину. Он и сам частенько прячется от мира в маленьком домике на побережье. Подальше от городской суеты, проблем, а главное подальше от людей. Наблюдая за тем, как Нина легла в шкаф, свернувшись калачиком, укрылась пледом и практически мгновенно засопела, Эрик вдруг осознал, что еще так многого о ней не знает. В душе заскребла совесть. Ведь если бы он не поленился и открыл ее «куррикулюм витэ», ей бы не пришлось корячиться в шкафу.

Эрик тихо закрыл только одну створку шкафа, не решившись запечатать Нину в этом дешевом «гробу», и, как бы ему ни хотелось спать, пошел за толстым желтым пакетом, валяющимся где-то возле кровати.

***

Внизу хлопнула входная дверь. Тяжелая дубовая дверь скрипела на петлях с самого их переезда в этот дом. Роберт уже трижды обещал их смазать, но последние дни пропадал на работе с раннего утра и до глубокой ночи. Как и сегодня. Лидия приподнялась на локтях и сквозь тяжелые веки посмотрела на электронные часы на прикроватной тумбе. Половина четвертого утра. Прекрасно! Интересно, во сколько он уйдет? В пять, как вчера, или все же даст своему организму поспать хотя бы пару-тройку часов? Всю последнюю неделю Лидия практически не видела Роберта. Он присутствовал дома лишь в виде грязных рубашек и недопитых чашек кофе, оставленных ей на кухонном столе в качестве пожелания «с добрым утром, любимая». Лидия не возражала и не капризничала. Она прекрасно понимала, чем занимается ее жених, и не желала лишний раз испытывать его нервы на прочность. Ему и так достается с его работой.

Балкон был открыт вопреки предостережениям Роберта. В последнее время он стал более осторожным и подозрительным. Любой шорох возле двери он воспринимал всерьез, каждый лай соседской собаки был для него знаком приготовиться. Он перестал снимать кобуру и везде с собой таскал свои пистолеты. Даже сидя на унитазе, он не мог расслабиться, если не ощущал подмышками холод металла. Если бы он узнал, что Лидия спит с открытым балконом, он бы, наверное, запер ее в подвале. Ну, как, скажите на милость, можно заниматься подготовкой к свадьбе в таких условиях?

Лидия откинула одеяло и встала с кровати. Последние несколько дней она спала обнаженной в надежде возбудить в Роберте желание, когда он ляжет к ней в постель и дотронется до ее пышных грудей. Он обожал ее налитые груди и не отпускал их во время всего акта соития: сжимал их, гладил, целовал и впивался зубами. А еще он обожал ее длинные мускулистые ноги, секс с них и начинался: Роберт облизывал их, начиная с пяток, и поднимался выше, и выше, и выше. При мыслях об этом Лидия горестно закусил губу. Уже вторую неделю у них нет секса. К сожалению, Роберт все это время спал на диване в гостиной, чтобы не тревожить спящую невесту. Идиот!

Лидия накинула черный шелковый халат на обнаженное тело и спустилась вниз.

– Они нашли его? – голос Роберта раздавался из кухни. – Отлично. Хоть какая-то хорошая новость... Да, я дома... Нет, она спит.

Роберт говорил по телефону и одновременно наливал виски в стакан.

– Понятия не имею! Мне кажется, он сошел с ума!... Я не знаю эту девку!... Попроси Марка навести о ней справки... Хорошо... И тебе доброй ночи...

Роберт устало плюхнулся на стул и залпом опрокинул виски. Огненная жидкость обожгла носоглотку. Краем глаза Роберт заметил Лидию в дверном проеме.

– Тяжелый день? – спросила она.

Роберт устало вздохнул. Лидия прошагала к стулу рядом с Робертом и мягко опустилась на него, обдав Роберта легким ароматом шанель. Он наблюдал, как она откинула локон редких каштановых волос со лба, открыла бутылку и налила в стакан напиток. Роберт смутился. Он не заслуживал такую женщину, как Лидия. Она невероятно терпелива и невозмутима, одновременно изысканна и проста, она выслушивает все его жалобы и стоически терпит любую небрежность, что он позволяет себе по отношению к ней. Вот она сидит рядом с ним такая прекрасная и неотразимая и участливо молчит, не мучая его расспросами, а сдержанно выжидает, когда он будет готов поведать ей о своих переживаниях. Нет, он недостойн этой женщины.

Роберт сжал ее руки и устало опустил на них голову.

– Прости, милая. Я знаю, что косячу, – сказал он.

– Перестань, ты делаешь свою работу, – Лидия погладила жениха по голове, отметив про себя, что ему надобно помыться.

– Дела идут под откос.

– Ты найдешь решение.

– Я устал их находить.

Лидия оставила его реплику без комментария. Внутри она ликовала. Наконец-то, Роберт признал, что устал от своих криминальных дел. Он уже почти готов бросить их ради нее, ради этого большого семейного дома, ради будущих детей... Лидия осеклась. Мысль о ребенке всегда будила в ней страх.

– Эрик приволок к нам психопатку, – сказал Роберт и отпил немного виски.

– Кого? – удивилась Лидия.

– Самую настоящую психопатку из психбольницы.

Лидия хмыкнула.

– Похоже, у него закончились все разумные идеи для развлечений! Ему что, не хватает экстрима в жизни? – удивлялась Лидия.

– Он не просто с ней развлекается, он приволок ее на собрание!

Лидия выпучила глаза и для большего трагизма покачала головой. Все складывалось как нельзя лучше. Эрик сам разваливает их бизнес. Он сам выпускает Роберта из своих цепких объятий в объятия Лидии, а уж она-то ни за что его не отпустит! Этот вездесущий Эрик всегда был для нее главной проблемой. Дружба Роберта и Эрика насчитывала целые десятилетия, и, разумеется, ее ничем не разорвать. Но Лидии этого и не нужно, она лишь хочет, чтобы

Роберт принадлежал ей настолько же, насколько принадлежит этому треклятому Эрику. Все-таки Роберту не с ним детей воспитывать. Лидия снова закусил губу... Дети... Сможет ли она?

– Ох, дорогая, я знаю, что тебе тяжело. Пожалуйста, потерпи еще чуток. Обещаю, как разберемся с этими Пастаргаями, я отойду от дел.

Лидия не возражала. Она была рада, что, наконец, довела до мозгов Роберта разумность своих идей. С самого начала их отношений три года назад она старательно и методично вдалбливала в его голову, что ему необходимо оставить этот бизнес в скором времени, если он хочет прожить долгую и спокойную жизнь. Она аккуратно кирпичик за кирпичиком выстраивала эту ценнейшую мысль несколько лет и уже была совсем близка к завершению своего грандиозного проекта по спасению Роберта и себя самой. Лидия настроена решительно и никому не позволит разрушить свою будущую идиллию. Да никому и не под силу. Лидия слишком настойчива, а Роберт слишком измучен. Разве что Эрик или вернее то, что он значит для Роберта, является главным препятствием, которое то и дело норовит возникнуть в их жизни.

– Нам одобрили дату в Плазе, – сказала Лидия.

Роберт облегченно выдохнул и растянулся в улыбке.

– Любимая, я очень рад! Это отличная новость!

Дата свадьбы назначена, и через три месяца они, наконец, поженятся. Роберт поцеловал невесту. Но он скорее был рад тому, что его невеста счастлива, несмотря на все его промахи и косяки. Он никудышный бойфренд и отвратительный жених. Но он обязательно приложит все усилия, чтобы стать замечательным мужем. Видит бог, Лидия достойна идеального мужчины.

– Сыграем свадьбу и отправимся в наш морской домик на целый месяц! – мечтал Роберт.

– И не забудем всех послать к черту перед этим!

Оба посмеялись, вспомнив тот день, когда Лидия перед всеми послала Эрика к черту. Она была единственной женщиной, открыто заявившей о том, что не боится Эрика Манна. В тот день Лидия и Роберт должны были отбыть на пляжный отдых на островах в Атлантике, когда вдруг снова появился Эрик и заявил, что у них что-то там «возникло», и Роберту ни в коем случае нельзя уезжать. Лидия не на шутку взбесилась, потому что каждый запланированный отдых срывался заявлениями Эрика о «возникших неприятностях». Причем он никогда не уточнял, какие именно неприятности возникли, желая лишний раз указать Лидии на ее место. Он мог утверждать что угодно, но Лидия точно знала, что всему причиной была невероятная ревность Эрика к другу. Он вцепился в него так, словно Лидия была драконом, желающим сожрать Роберта, а не провести с ним долгожданные каникулы подальше от забот. Честно говоря, Лидия была сыта по горло попытками Эрика разлучить пару. И только когда его попытки стали слишком явными и откровенными, он прекратил. Наверное, понял, наконец, что смешон.

– Ты довольна, Лидия? У нас дел невпроворот, а ты вот так нагло требуешь свой отдых! У тебя что сезонный радикулит разыгрался? Или геморрой достал? – свирепел Эрик.

– Знаешь, что? Пошел ты к черту, Эрик! – крикнула Лидия, развернулась на каблуках и нарочито громко простучала ими по мраморному полу в ресторане Рудольфа, словно хотела разбить эти дорогие каменные плиты своими металлическими шпильками. Дверь она, разумеется, тоже захлопнула со всей силы.

В ресторане присутствовали все, и Роберт вдруг чрезвычайно возгордился таким смелым и в то же время таким капризно-женским поступком Лидии, что в ту же секунду покинул ресторан вслед за ней.

По возвращении с недельного отдыха Роберт заметил перемены в поведении Эрика, который, похоже, осознал всю серьезность отношений между этими двумя. Он перестал высмеивать, дискредитировать и, вообще, упоминать Лидию в разговорах. Именно с тех пор Эрик занял позицию постороннего наблюдателя, не желая больше лезть в личную жизнь друга и контролировать ее. Отныне Роберт один на один с этим драконом!

Лидия была воистину сильной женщиной. Когда они встретились, ей было уже тридцать два, и она занимала пост главного финансиста в небольшой маркетинговой фирме, через которую Роберту посоветовали отмыть часть денег. Лидия безо всяких вопросов занялась его капиталом, проворачивая нелегальные теневые операции на пару с директором втайне от остальных работников. Лидия не сразу обратила внимание на Роберта, как на достойного мужчину, а вот Роберт же, наоборот, старался произвести на нее впечатление с первого дня знакомства.

– «Золотая осень», – сказал Роберт, сидя в кресле напротив Лидии, которая работала над компьютерными данными за своим столом.

– Простите? – Лидия недоуменно взглянула на Роберта из-под прямоугольных очков в ярко-красной оправе в тон ее тонким губам, так яростно контрастирующими с ее белоснежной рубашкой.

– Вам нравится русский импрессионизм, не так ли? У Вас на стене, – Роберт указал на картину, висевшую позади Лидии.

Женщина медленно развернулась на крутящемся кресле и уставилась на картину, висевшую позади нее. Во всех ее движениях читалась властность и деловитость. Она удивленно взглянула на Роберта.

И тут он понял, что настал его звездный час. Он еще в прошлый раз заметил эту картину и немедленно нашел ее описание в интернете, которое выучил наизусть, желая произвести на Лидию впечатление.

– Это репродукция картины «Золотая осень» Левитана. Ее яркие мажорные тона не являются характерными для творчества Левитана, он больше любил сдержанные и мягкие тона. Но она поражает своей наполненностью и эмоциональным содержанием, выраженном в цветовом великолепии. В ней четко прослеживается влияние импрессионизма на творчество Левитана. Вы знаете, что картину он закончил в Москве, рисуя по памяти, вдохновленный великолепием красок природы в усадьбе под названием Горка?

Безупречно отчитав заученный наизусть монолог о картине, довольный Роберт готовился пожинать плоды своей находчивости. Но не тут-то было. Прошла минута, а Лидия так и не произнесла ни слова, уставившись на него недвижимым взглядом, как на дебила.

– Нет, не знаю. Я понятия не имею, о чем Вы. Эта картина висит здесь уже лет пятьдесят, – выдала, наконец, Лидия и вернулась к компьютеру.

Далее встреча проходила в полном молчании. Роберт не смел даже взглянуть на нее, а Лидия то и дело косилась на него из-под очков, выжидая очередную глупость с его стороны. Они бы так и разошлись в тот день, если бы Лидия не разрешила нелепую ситуацию в положительную сторону.

– Я не разбираюсь в живописи. Но я пью кофе, – сказала она, не отрываясь от экрана.

Роберт облегченно выдохнул и улыбнулся. Он тоже не разбирался в живописи. Поэтому их отношения начались с чашки мокко и американо.

Лидия мало рассказывала о своем прошлом. Из всего, что понял Роберт, она переехала в столицу около десяти лет назад, чтобы начать новую жизнь. И как видно, ей это удалось. Она была очень смысленной и хваткой, и в фирме ее очень ценили. Она не хотела говорить о своей жизни, Роберт не настаивал, потому что сам занимался тем, о чем не мог говорить. Они наслаждались настоящим моментом и взаимно уважали право каждого на личное пространство.

Да, Лидия была достойна идеального мужчины. И Роберт не имел права быть другим.

– Я надеюсь, ты решишь свои дела до свадьбы. Не хочу, чтобы ты пришел на венчание с порохом под ногтями и со своими Колянами, – Лидия указала на Макаровы подмышками Роберта.

Роберт улыбнулся. Ему нравилось, как Лидия называла его пистолеты.

– Не волнуйся, решу. Обещаю.

Роберт устало поцеловал ее руки.

– К тому же после свадьбы надо всерьез заняться твоим оплодотворением. Мои мальчики все-таки не шотландский скотч, и со временем их качество не улучшается.

Лидия засмеялась.

– Да ты надрался! – хохотала она.

Роберт откинулся на спинку стула и наслаждался ее залиvistым смехом.

– Пойдем спать, дурачок, – позвала Лидия, все еще смеясь.

«Дети», – пронеслось у нее в голове, и шутка вдруг перестала быть смешной, а смех стал грустным.

***

Нина проснулась от сильной боли в плече. Она попыталась перевернуться, но тут раздался хруст, и шею пронзила острая боль. Нина сморщилась, и, преодолевая жгучую резь, легла на спину. Почки тут же завывали в унисон, оплакивая свое затравленное существование. Поясница заныла им в такт, напоминая о своем присутствии в этом незавидном изломанном теле. Нина попыталась выпрямить ноги, измученные согнутым положением в течение ночи, но стопы уперлись в стену, и в коленях загудели суставы, насмехаясь, мол, думаешь, мы бы до этого не додумались? Эта чертова деревянная клетка сделала из нее отбивную. Нина успела пожалеть о выборе ночлега. Пусть бы ее хоть живьем сожрали в кошмарах, по крайней мере, тело бы набралось физических сил.

Покряхтя немного, Нина открыла глаза. В шкафу не зги не видно. Странно. Вроде она спала с открытой дверцей. Неужели до сих пор ночь? Нет! Она не выдержит и двух минут в этой конуре! Нина стала шарить руками в поисках опоры – самой ей точно не встать, и тут сообразила, что пол – земляной. Она вонзила пальцы в рыхлую влажную почву и поняла, почему здесь так темно. Она лежала в могиле. Внезапно ее пальцы наткнулись на чью-то холодную руку. Сердце замерло. Кто-то лежит рядом с ней! Но как это возможно? Она одна едва помещалась в шкаф! Преодолевая оцепенение, Нина медленно повернула голову и увидела мужчину с разноцветными глазами. Он лежал всего в сантиметре от нее и смотрел, не моргая. Роговица глаз была сухая и мутная, а во лбу зияла дыра, из которой густой тянущейся струей вытекала темная жидкость. В животе Нины сжался кулак. Мертвец! Словно услышав ее мысли, мертвец закинул на нее то, что осталось от его руки: обрубленные под основание фаланги и раздробленные лучевые кости.

– Убийца! – прошептал беззубый окровавленный рот.

Нина с визгом выпрыгнула из полуоткрытого шкафа и пулей отползла к стене, забыв обо всех тяготах окостеневших конечностей.

Сидя у стены под громкие удары сердца в ушах, Нина переводила дыхание и пыталась взять под контроль возбудившийся организм. Взбодрилась до конца дня! Нина смотрела на пустой шкаф, осознавая печальный факт – если она не примет хоть что-нибудь, Монстры снова завладеют ее разумом.

Нина устало потерла глаза и уставилась в окно. Новый день новой жизни. Серое безжизненное небо как нельзя лучше соответствовало той мутной дымке, что сопровождает несуществующие образы, которых утром стало еще больше. Теперь бороться с ними – бессмысленно. Надо ждать, когда мозг получит подпитку нейрореплетиком.

Нина не без труда встала с пола, накрылась пледом, будто он мог защитить ее от зараженного видениями воздуха, и вышла из комнаты. Возле двери сидел Эрик. Но он был ненастоящий. Это был его след. Видимо, он долгое время провел здесь в коридоре, сидя на полу, и листая знакомые ей страницы медицинской карты, фотографии, полицейские рапорты. Он, наконец, приступил к основной обязанности – заботиться о Нине. Что ж, изучение ее жизнеописания займет немалое время.

Первый этаж по обыкновению был заполнен ароматами, вызывающими обильное слюноотделение. Было там и жаренное, и выпечка, и терпкий кофе. На кухне Эрик сидел за столом

и читал что-то в планшете, попивая кофе из большой кружки с надписью «Этот папа – самый лучший».

– Доброе утро! Как ты себя чувствуешь? – поприветствовал он Нину.

Ох, она бы хотела рассказать ему, как себя чувствует из-за его безответственности, но вдруг устала на стол. Возле тарелки лежали знакомые лекарства: красная капсула, четыре белых кругляшка, один желтый и пакетик с порошком. Стандартный утренний набор. Нина села за стол и без промедления проглотила таблетку рисперидона, облегченно вздохнув, точно наркоманка, получившая желанную дозу.

Эрик наложил в тарелку овсяную кашу, от запаха которой Нина поморщилась. Но попробовав одну ложку, не смогла остановиться. Неужели каша в больнице тоже овсяная? Может, то был засушенный куриный помет? Черт возьми, почему в больнице нельзя давать нормальную еду?!

Эрик наблюдал за тем, как Нина с жадностью поглощала кашу, гренки, вафли. В перерывах она запивала таблетки, а потом снова возвращалась к еде. Аппетит прибавился, и это определенно было хорошим знаком.

– Ты нам вчера очень помогла, хотя я не должен был подвергать тебя таким нагрузкам, – сказал Эрик.

Нина засунула за щеку последний кусок гренки и отложила вилку.

– Это ведь входит в наш уговор, – ответила она с забитым ртом.

– Да, но я не вправе рисковать твоим... состоянием.

– Теперь станет легче, – отвечала Нина, помешивая растворенное в стакане содержимое пакетика.

– Кстати о лекарствах. Ты не думала, что они наносят больше вреда, чем помогают?

Нина с искренним удивлением уставилась на Эрика.

– Зачем ты их пьешь? То есть, я хочу сказать, почему они необходимы? Что происходит, когда их действие заканчивается?

Мертвецы селятся в ее шкафу – вот что.

Краем глаза Нина наблюдала за тем, как Монстр, сидевший на диване в гостиной, пускал кровавые слюны на подушки и шептал слова пощадь, которые Альберт кричал Дэсмонду во время пыток.

– Если их не пить, я... перестану быть собой, – прошептала Нина.

– А кем ты становишься?

Эрик поймал несколько мимолетных взглядов Нины куда-то в гостиную. Этого было достаточно, чтобы сообразить: она галлюцинирует в настоящий момент.

– Монстром? – тихо спросил Эрик. – Они сейчас здесь?

Нина нервно заерзала на стуле.

– Они не любят, когда о них говорят, – шептала она.

– Хорошо, – закивал Эрик, – не будем.

И хотя Эрик очень хотел разузнать о них побольше, понять, каково это – жить с галлюцинациями навязчивыми до такой степени, что принимаешь их за реальных, он не собирался лезть в интимный мир Нины. Из записей Яна Эрик сделал вывод, что Нина нехотя делилась информацией о тайном мире видений.

– Просто, ты сидишь на этой химии двенадцать лет. Галлюцинации не прекращаются, а твое физическое здоровье сильно подорвано: анемия, тахикардия, почечная недостаточность, нарушение функций печени, артериальная гипертензия и это – только то, что я понял. Девяносто процентов того, что написано в строке «диагноз»... черт, да я таких слов даже не слышал никогда!

Нина едва верила ушам. Но она еще была в силах различать реальность и бред, и слова Эрика звучали из настоящего мира. Она бы хотела ему возразить и красочно описать, каково

это – видеть стенания мужчины, которого его лучший друг замучил до смерти в буквальном смысле. Ведь не Эрик слушал всю ночь хруст костей и дикие вопли Альберта. Ему дробили пальцы молоком, отрубали кисти, перевязывая артерии жгутом, чтоб не подох раньше, чем они навеселятся, вырезали на груди и спине матерные слова, а в перерывах тушили о него окурки. Дэсмонд пристрелил беднягу только когда, он безвозвратно потерял сознание от болевого шока. Эрик не вдавался в подробности развлечений Дэса, а вот Нина, хотела она того или нет, пережила каждую секунду ужаса вместе с предателем. И все из-за того, что была лишена дозы нейролептика.

Но Нина промолчала. Она вдруг поймала себя на мысли, что идея Эрика имеет логику. Он – второй в ее жизни человек, который говорит «нет» лекарствам. Первым была ее мама.

– Я не знаю, что ты там видишь, – продолжал Эрик, указывая на гостиную, – но судя по тому, что я вычитал, у тебя в голове творится жуть.

Нина ухмыльнулась про себя. Он и не понимал, как точно описал «внутренности» ее мозга.

– Но одно я знаю наверняка. Когда люди пытаются бороться с самим собой, стать другим человеком, отойти от того, что дано природой изначально, все кончается тем, что они возвращаются к исходному «дано». Но возвращаются уже измученными, искалеченными и озлобленными на весь мир за то, что он недооценил их борьбу и не принял их сотворенное притворство, ведь к нему приложено столько усилий! Но мир – не идиот, он не купится на эту фальшь, и рано или поздно раскусит ее.

Эрик допил кофе и встал из-за стола.

– А я вот, что тебе скажу: как бы мир ни старался поддержать и ободрить таких людей, они все равно обвинят его в том, что их не понимают. Да, я не вижу того, что ты сейчас видишь в гостиной. Но я вижу, что это дерьмо, – Эрик указал на упаковку лимипранила на столе, – убивает тебя.

– Ты не понимаешь, о чем просишь, – прошептала Нина.

– О, нет! – запротестовал Эрик. – Я ни о чем тебя не прошу! Поступай, как считаешь нужным. Просто, мне не все равно, в отличие от тех докторишек, что исписывали твою карту бессмысленными комментариями. Они не пробовали другого лечения. Может, сейчас у тебя появился шанс?

Пока Эрик убирался на кухне, Нина продолжала неподвижно сидеть за столом. Что если в доводах Эрика есть смысл? Она могла бы попробовать испытать себя, так сказать, на прочность. Исследовать свою темную сторону и узнать границы своих способностей. По крайней мере, она точно помнила, что мама умела лечить ее безо всяких лекарств. Получится ли взять Их под контроль снова?

Нина оглянулась. Гостиная была пуста. Рисперидон честно исполнял свой долг.

Вечером они ожидали гостей. После вчерашнего фурора гостям не по нраву клевать те горстки информации, что скармливал им Эрик. Они жаждут узнать о Нине больше, в том числе, не является ли все это грандиозной аферой.

Нина приняла душ, уложила не без труда волосы так, как учил хлюпкий французишка, и с удовольствием надела новые черные брюки и молочного цвета атласную блузку. Что там Изабелла говорила? Нацепить брошь! Нина зарылась в кучу хрустящих картонных пакетов из магазина в поисках нужного. Круглая брошь в виде белоснежной совы из горного хрусталя переливалась на свету. Нина прицепила ее на воротник точно по центру, как наказала Изи. Черные замшевые балетки пленили запахом новизны, в них ходить гораздо удобнее, чем в кедах на вырост. В таком виде Нина отправилась на большую балконную террасу, где развалилась на великолепной резной деревянной кушетке под лучами тусклого солнца. Почти как на старой доброй скамейке в аллее возле ручья.

Пока Нина разглядывала пейзажи городских джунглей с высоты пятьдесят первого этажа, в квартире царил переполох. Эрик нанял бригаду ремонтников, которые за день должны были перекрасить спальню, заменить паркет и поставить новую мебель. Кажется, он, наконец, начал соображать. Хотя Нине хотелось бы вернуться в тот коттедж за городом, где никто никогда не жил, а сам он использовался, как перевалочный пункт. Но Нина чувствовала, что на некоторое время им придется остановиться в самом сердце шумного города. Сам Эрик весь день просидел в кабинете. Так они и провели время: она – в привычном созерцании мира вокруг с краткими передышками на дремоту, он – углубившись в копию потрепанной медицинской карты, на листах которой вмятины и пятна проступали на белоснежных новых листах даже после копирования.

Маленькую черно-белую фотографию, заложенную между первыми листами, он отложил в сторону и частенько поглядывал на малышку Нину, представляя ее во время вычитанных событий. Снимок был сделан в момент ее поступления в больницу. Пятилетняя Нина – пухленький пучеглазый ребенок с длинными волосами. Есть люди, у которых на протяжении всей жизни сохраняются характерные черты лица, позволяющие узнать их на снимках и через двадцать, а то и сорок лет. Нина к таковым не относилась. Как бы Эрик ни старался найти нынешнюю Нину в этой малютке, сходства не проявлялись. Нина слишком сильно изменилась. Из здорового толстощекого ребенка она выросла в угнетенного запуганного человека. От детской наивности и искренних надежд не осталось ровным счетом ничего. Беспокойство, страх и бесконечная печаль: вот – ее спутники отныне. Единственное, что проходило сквозь время неизменным, это ее невероятные глаза – бездонные стальные озера.

Эрик пролистал уже прочтенные за ночь страницы, изредка останавливаясь на ключевых фактах: дата рождения, дата поступления под социальную опеку, дата бессрочного размещения в лечебнице, жестокое убийство родителей, где согласно полицейскому отчету Нина выступала в качестве несовершеннолетнего свидетеля, что потрясло Эрика до глубины души. Она видела, как застрелили ее родителей. А дальше все пошло по накатанной вниз. Ухудшение общего состояния началось уже через пару дней пребывания в лечебнице: беспричинная агрессия, эмоциональная неадекватность, ослабевание низших инстинктивных чувств, бред преследования и, наконец, возникновение галлюцинаций. Она начала впадать в кататонические ригидные ступоры уже в раннем возрасте, а позже начались внезапные вспышки необъяснимой агрессии, так называемые, припадки, повторяющиеся с редкой периодичностью. По словам Нины это были излюбленные игры монстров. Они смешивали реальность с фантазиями, и она должна была догадаться, что есть жизнь, а что – липа. Жестокие игры кончались тем, что она дралась с чудовищами, которые на самом деле были санитарями, бегала по кладбищу с оживающими мертвецами, а по факту – в игровой комнате. Единственный способ выйти из игры – это сильная физическая встряска мозга, например, биться головой о стену. Ее лоб и затылок защит неизвестное количество раз. Но самое ужасное, что с каждым разом выйти из игры становилось сложнее. Тело приспосабливалось к постоянному самобичеванию. Если в первый раз она вышла из игры, выдернув клочок волос с головы, то в последний раз она так неистово билась головой об угол железного стола, что треснула черепная коробка.

Борьба с болезнью кончилась тем, что Нину пичкали мощнейшими нейролептиками и седативными препаратами, которые напрочь уничтожили иммунную систему и истрепали органы. С таким ожесточенным рвением экспериментаторов врачи бы рады были и электрошоком ее полечить, но, к сожалению, больная дала положительную динамику на медикаментозное лечение. А жаль. Любопытно было бы понаблюдать, как отреагировал бы столь молодой организм на разряд. В любом случае врачи аплодировали себе, ведь благодаря их изобретательности в микшировании лекарств, пусть даже эмпирическом, им удалось изрядно сократить количество припадков, а при постоянной терапии антипсихотическими препаратами, полностью купировать галлюцинации. Самое время открыть бутылку шампанского и поздравить руки

всем, кто ставил подписи в медкарте. А то, что Нина превратилась в зомби, ну дык, это и есть победа! Конечно, если встретить такого человека за пределами лечебницы, его никак не примешь за нормального. Зато здесь за забором она очень даже котируется. Ну, и что, что она спит по восемнадцать, а то и по двадцать часов в день! Полноценный сон – залог здорового тела! Отсутствие аппетита? Ну, это только плюс, ведь нейролептики неизбежно приводят к набору веса и развитию диабета! Вы что, хотите пройтись по каждому из нескольких десятков побочных эффектов? Давайте не будем тратить время и просто порадуемся тому, что теперь у нее в голове – полный порядок!

Эрик разглядывал рисунки Нины, которые она делала в период от шести до восьми лет. Наверняка, и Ян заподозрил что-то неладное в них. Ну, не может шестилетний ребенок, росший в любви и заботе, нарисовать застреленных людей, режущих вены самоубийц в ваннах, голову с отверткой в ухе. Рисунков было несколько сотен, и везде щедро использовался красный карандаш. Врачи сказали, чего только дети не рисуют, они же – губка, впитывают информацию отовсюду! А посмотрите, что сегодня показывают по вездесущим телевизионным ящикам! Неудивительно, что дети знают о смерти еще до того, как произнесут первое слово! Вот только Эрик увидел в рисунках странность. Столько извращенных способов убийств не каждый взрослый перечислит! Когда врачи попросили Нину нарисовать монстров, она ответила, что Монстры не разрешают ей их показывать. Нина перестала рисовать, как только провела простую параллель: не покажешь рисунок – не получишь противную таблетку, вызывающую жуткие головные боли и рвоту.

Монстры стали неотъемлемой частью подсознания, а с течением времени перестали отождествляться, как посторонние существа. Ян первым заметил слияние личности Нины с личностью, в которую объединились монстры. Раздвоение прогрессировало быстро, складывалось ощущение, что Нина сдавалась, и эти твари с жадностью хищника отрывали куски от ее сознания и с превеликим усердием заражали их своим злом. По счастливому стечению обстоятельств Ян успел начать спасение новой терапией. Должность главврача развязала руки.

А дальше начиналось самое интересное. Эрик сразу узнал бланки полицейских отчетов и отчеты о вскрытии, уж он-то таких видел тысячи. Вот только никогда бы не подумал, что полиция может вмешаться в дела детской психиатрической больницы. Похоже, Ян всерьез говорил о причастности Нины к убийствам. Правда ли это или только подозрения? Хотя Эрик понимал Яна, они столкнулись с неуравновешенным шизофреником-телепатом. Что от нее можно ожидать? Подобно любопытному читателю, которому невтерпех узнать, чем же кончится увлекательная книга, Эрик пролистал отчеты, не вдаваясь в детали, вычитал заключения и нервно закурил.

Четыре убийства. Вполне объяснимые для полиции, но загадочные для Яна. Суициды не бывают извращенными. Самоубийцы желают покончить с жизнью быстро и как можно менее болезненно. Но проткнуть артерию карандашом? Съесть разбитое стекло? Если повешенного на дереве еще можно притянуть к проделкам Нины за уши, то предыдущие два были чистой воды убийством. А случай с доктором – так, вообще, мистика! Во время сеанса гипноза с Ниной у него в буквальном смысле закипели мозги! До чего такого опасного он докопался?

Полицейских рапортов и отчетов по делу доктора Зория Йокина Эрик не нашел и сделал вывод, что обстоятельства его смерти были настолько ужасны и загадочны, что Ян скрыл их.

Поглядывая на невинную девочку с черно-белой фотографии, Эрик задавался вопросом: кого он выпустил? Огрызающегося волка, загнанного в капкан, или методичного хладнокровного убийцу?

Вопросы, вопросы, вопросы.

Эрик подошел к бару, налил сухой виски и опрокинул залпом. Мысли рвали мозг на части.

– Надо поесть, – пробубнил он себе под нос. – В любой непонятной ситуации – ешь!

Он снял телефон и набрал номер излюбленного итальянского ресторана. Ужин принесут как раз к визиту друзей. Потом он собрал бумаги в увесистую, хрустящую по швам папку, и положил в сейф.

Работники уже ушли. Они управились с задачами за девять с лишним часов. Теперь комната Нины была свежа и нова. Стены выкрашены в цвет яичной скорлупы, шоколадный паркет в тон широкого шкафа-купе и каркаса кровати с молочно-бежевым бельем. Краска на стенах высохнет к завтрашнему дню, но Эрик был уверен, что Нину это не остановит. Все лучше, чем узкий шкаф. Эрик сделал шаг в спальню, но тут же остановился. «Здесь должна пребывать только Нина», – пронеслось в голове. Эрик имел весьма скромные представления о способностях Нины, а потому решил лишний раз их не испытывать. Дверь в спальню закрылась.

Эрик нашел Нину на балконе. Она мирно спала на деревянной кушетке, прижимая к груди книгу «Мертвые души». Рядом на столике лежали остатки овсяного печенья и недопитое молоко. Эрик обрадовался, что Нина чувствует себя здесь непринужденно. Но в то же время эти крошки пробудили вой совести. Ты ее не покормил! Заперся на весь день, напрочь забыв о ее потребностях! Она не может приготовить себе еду! Она не знает, что такое плита! Да, черт подери, она и нож в руках не держала никогда! Эрик закатил глаза, устыдившись в очередной раз своей невнимательности.

– Ты не против, что я ее взяла?

Эрик, наконец, заметил, что Нина проснулась.

– Нет, конечно! Это – твой дом. Ты здесь – не гость. Делай, что хочешь!

Нина подтянулась на кушетке.

– Только там совсем не о том, о чем можно подумать, судя по названию.

– Да, – согласилась Нина, осматривая книгу, – здесь о гораздо более интересном.

Свет фонарей в сумерках подчеркивал болезненную синеву вокруг глаз, но в то же время в глазах поблескивали завораживающие огоньки, подобно тем, что видишь в темноте у кошек.

Эрик сел на соседнюю кушетку.

– Я бы хотел поговорить с тобой, – начал он.

– О чем?

Эрик тяжело вздохнул.

– Ох, о многом, – усмехнулся он, вспоминая сотни прочитанных страниц.

Пока Эрик искал с чего начать, Нина уже успешно ковырялась в его замешательстве. Она нашла ответы быстрее, чем он определился с первым вопросом.

– Ты боишься меня? – спросила она.

Вопрос застал врасплох.

– А должен? – ответил он вопросом на вопрос.

Нина отложила книгу и уставилась на небо, где зажигались первые звезды.

– Иногда я сама себя боюсь, – прошептала она.

– Я многое узнал из твоей медкарты и...

– Ты ничего не знаешь обо мне!

Нина взглянула на него, ее лицо нахмурилось.

– Слова, слова, слова. Там одни лишь слова! Ты знаешь только диагнозы, названия медикаментов и имена врачей. Ты ничего не можешь узнать из того рукописного обмана!

Нина снова вернулась к книге, словно обиженный подросток.

– Тогда помоги мне. Помоги узнать тебя.

Нина снова взглянула на Эрика, но теперь во взгляде читалась лишь раздраженная усталость.

– О чем ты хочешь узнать? О монстрах? О картинках в голове?

Эрик понимал ее недовольство. Это просто насмешка – спрашивать о ней то, что врачи выясняли двенадцать лет. За такой срок действительно устанешь твердить одно и то же, тем

более, когда слова упираются в глухую стену, делая твои попытки помочь им спасти тебя бесполезными.

– Расскажи мне о месте, где ты счастлива, – сказал он.

Эрик – гений переговоров. Одной фразой уничтожил всю ярость Нины. Она понимала, что это – не больше, чем трюк, попытка сблизиться с ней, выстроить дружественные отношения. И это была чертовски грамотная попытка. Она знала, что сохранить секреты от Эрика будет невозможно. Со временем он узнает о ней все, что она знает о себе сама. Из всех возможных вариантов будущего четко выделялся тот, где Эрик крепко зажимал ее в объятиях, пытаясь унять очередной припадок, подбирая верные слова, чтобы вернуть ее заблудшее сознание в реальный мир.

Нина заложила книгу бархатной закладкой и села на кушетке так, что их колени практически соприкасались.

– Я покажу тебе, – прошептала она.

Его ладони были сцеплены на коленях. Длинные крупные пальцы были вдвое больше ее, в золотом перстне с бриллиантом она видела нечто большее, чем дорогое украшение. И к этим огрубевшим от боев и тренажеров рукам она собиралась прикоснуться. Но не для того, чтобы выведать его тайны. Она хотела поведать о своих, а ковыряться в своей голове труда не составляет.

Нина вытянула ладони в приглашающем жесте. Сначала Эрик нашел это забавным сходством со спиритическим сеансом, где все участники цепляются за руки, создавая круг, из которого нельзя выпускать призрака. Но по выражению лица Нины он понял, что шутки здесь неуместны. И все же с долей скептицизма он протянул руки, не подозревая, что отныне его жизнь изменится.

Как только Нина вцепилась в его ладони железной хваткой, перед глазами Эрика замелькали картины и образы чужеродные его сознанию. В юности он частенько принимал ЛСД, и то, что он переживал сейчас, отдаленно напоминало трип.

– Жил один король, жил – был,

Не любил супы, котлеты,

Только сладкое любил...

Пела рыжеволосая женщина в цветастом фартуке. Она обмазывала коржи шоколадным кремом, а рядом стояла малышка Нина в голубом ситцевом платье в белый горошек, точно сошедшая с того черно-белого снимка, что Эрик оставил на столе. Ее длинные каштановые волосы были распущены, а на голове красовался обод с кроличьими ушами. Она тоже размазывала густой крем игрушечной лопаткой и подпевала чудесным детским голоском.

– Каждый день везли купцы

Мед, варенье и печенье,

И торты, и леденцы...

Женщина сложила коржи, тщательно выверяя, ровно ли они слегли, после чего украсила верхушку торта взбитыми сливками. А Нина в это время раскладывала кусочки клубники и малины по воздушным подушкам из сливок, следуя неукосному правилу «одну – на торт, одну – в рот». И все это время они напевали детскую песню про сладену-короля.

Наконец, когда торт был готов, мама взяла нож и стала аккуратно нарезать великолепную шоколадную гору.

– Ну? Где твой Монстр? – спросила женщина.

– Вон там, – маленький пальчик указал в угол кухни.

Эрик не смог разглядеть того, кто прятался в углу, картинка была размыта, но он точно видел чью-то тень.

– По-прежнему злой? – спросила мама.

Малышка кивнула.

– Вот, – женищина положила кусок торта на тарелку и придвинула дочери, – отнеси ему! Даже самые злые любят сладкое! Вот увидишь, как только он его съест, сразу поправится!

Мальшика сползла со стула, взяла тарелку и осторожно донесла до угла.

– На, поешь! – сказала она, поставила тарелку в угол и вернулась за стол.

Они пили мятный чай и наслаждались тортом. Эрик даже ощутил его вкус – невероятно сочный и приторно сладкий, совсем как любят дети.

– Ну, как там твой Монстр? – поинтересовалась женищина.

Нина посмотрела на тень.

– Не ест, – огорчилась она.

– Смотри, какой гордый! Хочет показать, что наши подачки ему не нужны. Поверь мне, когда мы выйдем, он тут же съест все до последней крошки!

И Нина верила. Когда она потом возвращалась в кухню, тарелка Монстра была пуста, как мама и говорила. А значит, он обязательно подобрел, и его уже не стоит бояться!

– Ну же, Нина! Вот мои два яблока, а вот твои два яблока. Сколько всего яблок у нас?

Отец с Ниной за детским столом в ее спальне, они решают детские задачки. Нина ерзала на стуле и болтала ногами.

– Не знаю...

– А ты сосчитай!

– Раз, два, три, четыре... Четыре! – воскликнула Нина, хотя радость ее была далека от искренней.

Отец следил за беспокойными взглядами дочери по сторонам. Ее явно что-то отвлекало. Она собирала брови домиком, когда возникали очередные симптомы навязчивых галлюцинаций.

– Что такое, зайка? – спросил отец.

– Это все Монстры. Они опять показывают плохие картинки, – пробубнила девочка в ответ.

Отец вздохнул.

– А знаешь, что? – вдруг сказал он и отложил сборник задач. – Давай сделаем так! На каждую плохую картинку мы ответим им хорошей!

– А как это? – округлились глаза девочки.

Отец достал альбом для рисования и карандаши с фломастерами.

– Они ведь не умеют рисовать хорошие картинки! Давай покажем им как!

Нина перестала ерзать и сосредоточенно вникала в затею отца.

– Давай нарисуем им... слона! – предложил отец и протянул дочери карандаш.

– Зеленого! – воскликнула Нина и с радостью начала водить карандашом по листу.

– Он будет жить в большом дворце из мармелада, а в башне будет жить... воробей! Желтый воробей! – рассказывала девочка, воплощая в жизнь чудных животных. – А вот тут будет река из мороженого!

– А вот тут давай будут расти кусты с пряниками!

– Да!

– Вот, смотри, слон сорвал себе три пряника, а воробей подлетел и сорвал себе два пряника. Сколько всего пряников они сорвали с куста? – говорил отец, пририсовывая коричневые пряники.

– Пять! – ответила Нина, не раздумывая.

– Умница!

Нина продолжала придумывать новых обитателей фантастического мира, рассказывая об их особенностях. А отец с улыбкой смотрел на дочь, уверенный, что в скором времени они навсегда избавятся от недуга.

В следующую секунду громко завывла сирена где-то совсем рядом. Эрик обернулся и увидел малышку Нину, сидевшую посреди огромной темно-красной лужи. Трупы ее родителей лежали рядом. Она держала их за руки.

Нина расцепила руки, и Эрика вырвало из потока видений. Это был самый быстрый отходняк, который он когда-либо испытывал. Сердце бешено колотилось, а сам он ловил воздух ртом.

– Прости, прости, – шептала Нина, зажав глаза, – иногда их так сложно остановить...

Оглядевшись вокруг, Эрик понял, что по-прежнему сидит на кушетке. Не в кухне, не в детской спальне, не посреди огромной кровавой лужи, а на своем балконе. Эти видения казались такими реальными!

– О, Нина! – воскликнул он, пытаясь отдышаться. – Мне так жаль! Так жаль!

Он вспоминал те ощущения, что испытывал там вместе с малышкой Ниной, когда она украшала торт и рисовала. Она была так безмятежно счастлива! Жизнерадостный бесстрашный ребенок, кормивший монстра тортом и обучающий его рисовать добрые картинки! Идиллия уничтожена в миг! Мир, полный надежд и веры в лучшее исчез навсегда! Растоптан, разрушен, стерт! По возвращении невероятная скорбь легла на сердце Эрика, он даже не понимал, его ли она. Возможно, будучи связанным с Ниной одним видением, он каким-то образом перехватил ее нынешние ощущения. Ему хотелось не просто плакать, как смазливая девчонка, а реветь истошно и безудержно, пока весь мир не прочувствует всю его мучительную отчаянную боль!

Нина наблюдала за Эриком, за его попытками объяснить свои ощущения и принять все, что он увидел и испытал за эти минуты. Она укорила себя за допущенную слабость, результатом которой стала кровавая сцена. Она не имела права показывать ему подобное, ведь он этого не хотел. Эти кошмары предназначены для нее и только для нее. Она не может делиться ими со всеми, кто проявляет к ней хоть какой-то интерес.

Ночь опускалась на город, все ярче вспыхивающий миллиардами живых огней. Небо заволакивали тучи предстоящей грозы. Они застилали звезды, и лишь восходящая луна еще могла пробить их черные тела своим тусклым светом. В густонаселенном городе гроза не так зловеща, как в безмолвном лесу, где располагалась больница.

Раздался звонок в дверь. Он вырвал обоих из размышлений. Эрик неуверенно встал, пригладил волосы, поправил свитер, давая себе время прийти в себя.

– Должно быть, еду принесли, – сказал он и ушел.

Хотя для Нины это было больше похоже на бегство.

Уже перед дверью Эрик остановился, перевел дух, окончательно освобождаясь от мрачных мыслей, и открыл дверь. В тот же момент большой пакет с едой врезался ему в грудь, да так сильно, что Эрик отшатнулся.

– Ты должен мне шестьсот пятьдесят три зеленых, – сказал Дэсмонд, вручив пакет Эрику, и прошагал внутрь.

– И по десять баксов каждому за подъем на пятьдесят первый этаж, – добавил Марк, зашедший с коробками пиццы.

– Я выпишу чек, – ответил Эрик.

– Когда он лежал в больнице и стонал от боли, он мне нравился больше, – прокомментировал Рудольф и закрыл дверь.

– Роберт? – спросил Эрик.

Рудольф вдохнул, растягивая время, чтобы придумать ответ.

– Он нашел эту идею...

– Тупой, – закончил за него Эрик.

– Я хотел сказать нелепой, но ты процитировал его слово в слово.

Ну, разумеется. Эрик был уверен, что даже если Нина опишет всю жизнь Роберта с пеленок, он все равно гордо вскинет нос и продолжит верить в четко продуманный заговор против компании.

Друзья быстро распаковали еду и накрыли ужин на журнальный стол по четко отработанному плану: Марк на посуде, Рудольф на закусках, Эрик на блюдах, а Дэсмонд на выпивке. Так было заведено еще двадцать лет назад. С тех пор изменился лишь антураж: обшарпанная вонючая комнатуха в трущобах превратилась в пентхаус в небоскребе, а дешевый китайский корм из подворотни стал приличной едой из дорогих ресторанов.

– Наша проблема растворяется на ходу, – начал Рудольф.

– Это точно. Эти тупые ребята из службы даже облаву грамотно не могут организовать, – усмехнулся Дэсмонд, отхлебнув пива. – Поймали наших фермерских ребят, а те – молотки, хрен им дали, а не показания. Через пару дней их уже выпустят.

– В итоге все, что у них есть, это куча травы, а кому она принадлежит, никто понять не может! За такой промах их там всех перекосят, – добавил Рудольф.

– Что насчет Альберта? – поинтересовался Эрик.

– Гавнюка уже нашли. Вернее то, что от него осталось, – хихикнул Дэс.

– Ага, этот псих оставил его в свежей могиле! – смеялся Марк. – Застолбил бедолаге место!

– Только он туда не скоро вернется. Судмедэксперты уже кромсают его. Ждем завтрашние первые полосы! Лучшая заметка отправится на мою «Стену достижений»! – говорил Дэсмонд, громко причмокивая куриной грудкой под соусом песто.

– Ты больной извращенец! – засмеялся Эрик.

Внезапно все замолкли, обратив взор на вошедшую Нину. Любопытные взгляды пригвоздили ее к полу, и она не могла сделать и шагу. Она не привыкла быть в центре внимания. Более того, всю жизнь она всеми силами пыталась его избегать, влиться в толпу, чтобы никто не понял, что среди них обманщик. Изучение экспоната длилось не больше полминуты, но даже эти секунды растянулись неприлично долго. Может, они ждали от нее какого-то чуда? Что-то вроде фокуса с исчезновением. Он бы ей пригодился сейчас.

– Добрый вечер, Нина, – нарушил молчание Рудольф.

– Ах, да... это самое, добрый день! – подхватил Марк.

– Мадам! – поклонился Дэс, чем заслужил злобный взгляд Эрика.

Нина прошла к столу и села в кресло, подальше от визитеров. Друзья стали передавать тарелки с едой и бутылки пива, продолжая поглядывать на Нину.

– Батат с фетуччини? – Марк предложил блюдо Нине.

Она тут же посмотрела на Эрика, ища помощи.

– Это что-то вроде макарон с картофелем, – объяснил он.

Марк тут же покраснел.

– Ах, да, ты же из психушки... то есть из больницы! Двенадцать лет! Я помню! Эрик говорил! И батат ты в глаза не видела...

– Марк, заткнись, – Рудольф остановил причитания парня.

– Да! Короче, тесто с картошкой? – спросил он у Нины, виновато улыбаясь.

Эрик взял у него большое блюдо с ароматной лазаньей.

– Марк, я сам, – сказал он.

Марк грустно вздохнул.

– Что? – прошептал он на укоризненный взгляд Дэсмонда, – Я хоть что-то сделал!

Несколько минут за столом слышалось только чавканье и звон приборов. Обычный ужин для друзей был невероятным открытием для Нины. Она и не представляла, какие вкусные пряные и ароматные блюда могут быть. По обыкновению ее вилка побывала в каждой тарелке, с которых пришлось брать по чуть-чуть, иначе она рисковала обжеститься до потери сознания.

Рудольф откашлялся и спросил:

– Нина, как тебе город?

Нина отложила вилку.

– Он изменился, – ответила она.

– Это да. Прогресс с каждым годом все ускоряется! Я иногда и сам поражаюсь. Лет семь назад мы и представить не могли, что в телевизоре будет двести каналов, а письма превратятся в мгновенные сообщения.

– А помнишь наши коллекции видеокассет? – подхватил Эрик.

– О! Это было настоящее сокровище!

– Помните, бедного Артура?

И тут все расхохотались.

– Этот ненормальный ринулся в горящий дом, чтобы спасти кассеты, – смеялся Рудольф. – Слава богу, его во время остановили, не то дом сложился бы прямо на него.

– Да, он потом несколько лет сокрушался о потере коллекции.

За столом снова стихло. Нину не покидало ощущение, что они все ждут чего-то. Нина насытилась и теперь лениво ковыряла листья салата, сосредоточившись на тарелке. Она не хотела смущать гостей и позволила им изучить себя с особой тщательностью. Они разглядывали каждый сантиметр на ней. Рудольф выискивал подозрительные черты лица, Десмонд пытался разглядеть ее грудь, а Марк думал, где бы купить такую же потрясающую брошь в виде совы. Они и понятия не имели, что Нина занималась аналогичным: раскрывала потайные уголки мужчин.

– Нина, как ты узнала про Альберта? – нарушил молчание Рудольф.

В тот же момент звон столовых приборов прекратился. Шесть пытливых глаз уставились на Нину, не скрывая любопытства.

– Прости, но рано или поздно этот разговор должен был начаться, – сказал Рудольф, обращаясь одновременно и к Эрику и к Нине.

Эрик размеренно попивал виски, изредка бросая взгляд на Нину, мол, пора раскрыть карты.

– Эрик задал вопрос, и я увидела ответ, – произнесла Нина.

Мужчины переглянулись.

– И как много ты видишь? – спросил Рудольф.

Нина смерила его загадочным взглядом. На секунду ему показалось, что в ее глазах сверкнула вспышка. Но это был всего лишь блик от лампы, отраженный в столь светло-серых глазах. Нина отложила вилку, продолжая смотреть на Рудольфа. Повисло долгое молчание.

– Святоша... – наконец, прошептала Нина.

Глаз Рудольфа невольно дернулся, давно его так не называли.

– Чего приперся, Святоша?! – огрызнулась Нина, чем огорошила всех присутствующих. – Не твоего хренова ума, что мы тут делаем! Вали, куда шел!

Эрик мельком взглянул на Рудольфа и удивился выражению лица друга: Рудольф побледнел от страха.

– Ребята, у нас тут спаситель сучьей задницы! – воскликнула Нина. – Да это же принц на белом коне! Ха-ха! Мы что застолбили твою дырку? О, ну тогда понятно, почему он так взбешен! Дырочка то со-о-очная! Ха-ха.

– Ладно! Мы не жадные! – голос Нины изменился, стал более низким. – Мы с тобой поделимся этим белоснежным мясом! Но только после того, как сами испробуем! Ха-ха!

То ли Нина пригвоздила Рудольфа глазами к стулу, то ли страх быть раскрытым сковал Рудольфа, но он не мог молвить ни слова, ни двинуться, ни даже вздохнуть. Он слушал слова, вылетающие с ее губ, они были словно считаны с его памяти. И даже интонация! Она точно копировала интонацию тех ублюдков! Как это возможно? Ее тогда и на свете-то не было!

Рудольф старался сохранять спокойствие, но понимал, что с каждой секундой паника разрастается по каждому участку тела. Его невозмутимость грозила потерпеть крах, если она произнесет имена.

А рядом Рудольф ощущал, как все больше напрягался Марк... Ох, Нина, остановись...

Но она и не думала, она, задыхаясь, выпалила все, что было произнесено в тот момент избитым, но выстоянным Святошей, что так отчетливо врезалось в память восьмилетнего малыша.

– С волками жить – по-волчьи выть! – голос Нины резко изменился, стал тише и приятнее, а в говоре появился узнаваемый легкий акцент. – Тебя затопчут! Уничтожат и забудут! Никто не вспомнит о тебе! О слабаках не вспоминают! Ты в аду! А черти не терпят хороших ребят! Они их жарят, кромсают, топят в раскаленном масле! Ты когда-нибудь обжигался? А вот теперь представь, что ты весь горишь! Вот, что тебя ждет, если ты будешь слабым! Запомни, лучше сдохнуть в бою по-быстрому, чем сдаться им на медленную и болезненную смерть! Ты понял? Повтори! Повтори! – крикнула Нина и замолкла.

Воцарилась тишина.

Разумеется, перемена лиц Рудольфа и Марка не осталась незамеченной. Только этим двоим и Нине была известна истинная мощь произнесенных слов. И она была чертовски огромная, потому что заставить Рудольфа вспотеть может лишь сам Господь.

Внезапно Нина так громко и яростно стукнула по столу, что ребята подпрыгнули.

– Я не слышу тебя, рядовой Шкет! – заорала Нина на Дэсмонта, отчего тот вжался в спинку стула.

И тут начался самый настоящий театр одного актера.

– Ты глухой? – орала Нина, искривившись в злобной маске.

– Сэр, нет, сэр! – отвечала Нина самой себе, изображая хрипоту, и донельзя точно копируя замученного подростка.

– Тогда, может, ты тупой?

– Сэр, нет, сэр!

– Тогда какого хрена ты бубнишь себе под нос? Может, мне называть тебя рядовой Слизняк?

– Сэр, нет, сэр!

Нина снова громко ударила по столу.

– Иди, сюда рядовой Тряпка! Мне насрать, болен ли ты, умираешь ли, или вообще сдох! Мне насрать на жару и на мороз! Насрать, ливень ли сейчас или метеоритный, мать его, дождь! Мне насрать, что ты подвернул ногу, да пусть она хоть отвалится! Засунешь ее себе в зад и продолжишь бежать! Ты понял, рядовой Вагина?

– Сэр, да, сэр!

– Хочешь снова разреваться как девчонка?

– Сэр, нет, сэр!

– Хочешь пожаловаться копам или может поплакаться бабе из соцзащиты?

– Сэр, нет, сэр!

– Смотри, рядовой Пискун! У тебя есть такая возможность! Вон ворота! И они открыты! Можешь сбежать в любой момент и облегчить мне жизнь! Будешь петь песни и играть в девчачью войнушку с городскими молокососами! Потому что мне ты как грыжа в паху! Как еще один геморрой в моей затраханной жизнью жопе! Как третье истертое яйцо в мошонке! Вон ворота! Беги отсюда, шкет!

Пауза.

– Сэр, нет, сэр! – по щеке Нины скатилась слеза.

– Тогда хорош реветь! Хватай груз и побежал тридцать кругов! И если еще раз услышу хрень про подвернутую лодыжку, ты будешь катать бочку с кирпичами до заката, Слизняк! Ты понял?

– Сэр, да, сэр!

– Громче, твою мать!

– Сэр, да, сэр! – заорала Нина во всю глотку.

Наступила тишина.

И в этой тишине напряжение, исходившее от троих мужчин, ощущалось почти физически. Эрик готов был поклясться, что слышал бешенный стук сердца в мускулистой груди Десмонда, что чуял запах пропотевшей насквозь спины Рудольфа, и ощущал дрожь на полу от трясущихся колен Марка.

Тишина царила уже несколько минут. И с каждой секундой она все больше закреплялась в своих правах. Она обнажила страхи мужчин и продолжала растить их удручающими воспоминаниями, которые все больше накатывали волнами в зловещем безмолвии.

Но никто не посмел первым нарушить ее правление. Эрик желал дать друзьям время свыкнуться с мыслью о том, что отныне их секреты перестали быть секретами. Нина видела их насквозь. И когда он осознал это, паника охватила и его. Отныне Нина держала их на мушке. Имел ли он право так подставлять друзей? Стоят ли ответы на вопросы жизни его друзей?

– Он умер... три месяца назад, – разумеется, единственным, кто имел право нарушить молчание, была Нина.

Ее взгляд был обращен к Дэсмонду.

– Он подписал отказ об уведомлении родственников.

Дэсмонд старался изо всех сил не выдать своих эмоций, но держать марку ему удавалось с трудом. И никакого дара ясновидения не нужно было, чтобы заметить его разбитость.

– Думаешь, потому что он ненавидел тебя? – говорила Нина, смотря куда-то вдаль перед собой. – Он не хотел взывать к твоей жалости своим умирающим видом. Он не оставил тебе ничего, что напоминало бы о нем. Ни фотографий, ни прощальных писем, ни даже могилы. Потому что не хотел отягощать тебе жизнь своим призрачным присутствием. Он слишком хорошо знал, какую боль несут воспоминания об ушедшем родном человеке. Это была странная, жестокая, но все же любовь.

Нина оторвалась от созерцания невидимого мира, взяла вилку и отломил кусок яблочного пирога.

Это обыкновенное действие, вдруг, вывело мужчин из длительного ступора. Минуту назад весь их мир катился к чертям в хаос преисподней, где они были готовы прикончить Нину и застрелиться сами, разрушив до атомов саму суть естества, за то, что оно такое дерьмовое! И вот спустя мгновение уже все пришло на свои места. Они всего лишь сидят за обычным столом, ужинают как обычно, и мир по-прежнему обычен, хоть и заикнулся на кусочке пирога на серебряной вилке, исчезающим за губами, скрывающими секреты каждого здесь сидящего.

– Надо покурить! – наконец, произнес Рудольф и встал из-за стола.

– Хорошая мысль! – подхватил Эрик.

– Покурить было бы здорово, – встал Дэсмонд.

– Я хоть и не курю... но пойду покурю, – Марк нерешительно встал из-за стола.

Через минуту дверь на балкон закрылась, оставив Нину одну на один со всеми яствами на столе, на которые уже не претендовало никакое желание.

– Какого, блин, черта сейчас произошло?! – первым воскликнул Марк, и это было странно, обычно он отмалчивался.

– Эрик, если это все шутка, прошу тебя, признайся сейчас! Потому что все зашло слишком далеко! – сказал Рудольф.

Но Эрик молчал и сочувственно смотрел на друзей, всем своим видом говоря, мол, я бы и сам хотел, чтобы все это оказалось розыгрышем, но, увы.

Когда Рудольф понял, что Эрик тут ни при чем, он отпрянул от друга и оперся о мраморный парапет, погрузившись в раздумья.

– То, как она это говорила... Рудольф, она, будто была там... – начал Марк.

– Я знаю, – огрызнулся Рудольф, перебивая друга.

Эрик неуверенно шагнул к ребятам.

– А о чем она говорила? – спросил он.

– Ни о чем! – Марк и Рудольф в один голос пресекли всякие попытки Эрика раскопать то, что они похоронили лет двадцать пять назад.

Рудольф уже жалел, что бросил вызов Нине. Она выбрала самые подходящие моменты их жизней, чтобы заставить поверить в свои способности, а может, продемонстрировать, что они все для нее как на ладони!

Марк отстранился в самый дальний конец террасы. Он всю жизнь пытается забыть или уже просто хотя бы смириться с тем ударом судьбы, что он пережил в возрасте восьми лет. Четырежды он подвергся сексуальному насилию со стороны той банды подростков, прежде чем его спас Рудольф. Именно тот день, тот момент Нина увидела в его голове, а он прекрасно знал, что выудила она это именно из его воспоминаний. Жертва никогда не забывает акт надругательства над собой, и словно крест несет его на себе всю жизнь, пытаясь обмануть окружающих, слиться с толпой, спрятаться не столько от чужих глаз, сколько от самого себя.

В тот день те четверо подонков, как всегда, подкараулили Марка в подворотне. Они точно следили за ним, потому что каждый раз они ловили его в разных местах. Он не помнил, сколько времени проводил в позорной позе, пока все четверо ублюдков долбили его в зад по очереди. Он помнил лишь отчаянную погоню, сильный удар по голове, после которого он приходил в себя, когда уже было поздно сопротивляться.

Они сломили его после второго раза, когда он понял, что без сопротивления, все кончится быстрее. В третий раз он уже не бежал от них. В четвертый – добровольно отсосал. А перед пятым – появился Рудольф или Святоша, как его называли в трущобах из-за верующей семьи.

Рудольф никогда не говорил Марку, что застал предыдущий раз надругательства, после которого специально следил за Марком, как за наживкой, чтобы найти тех сволочей. Он не мог ранить Марка еще глубже, и придумал историю о том, что проходил мимо совершенно случайно и услышал подозрительные звуки возле того злополучного тупика. Марк поверил и сказал, что это был первый раз, когда они пытались изнасиловать его. Хотя Рудольф подозревал, что позже Марк, наверняка, догадался обо всем. Иначе как объяснить, что Рудольф проходил мимо «совершенно случайно», экипированный битой и кастетами?

В тот день он мало того, что раскрошил кости ублюдков, он еще гнался за последним два квартала, настиг и выплеснул всю ярость в район его паха. Через неделю двое скончались в реанимации, двое выжили и остались инвалидами до конца своих дней.

Рудольф вернулся к испуганному светловолосому кудрявому мальчугану, ставшему свидетелем кровавой расправы, и забившемуся между мусорными баками, прижал к стене и изрек те самые слова о слабости и аду. Детский разум живо представил себе, как черти жарят его живьем, после чего воспрянул духом.

Дэсмонд часто жаловался, на кой Рудольф притащил малолетку к ним в банду, на что немедленно получал яростные выпады со стороны Рудольфа. А так Марк к ним и пришел. Святоша не мог оставить ангела на растерзание чертям.

– Я позвонил в пансионат, – появился Дэсмонд с телефоном в руках. – Генерал умер три месяца назад, подписал этот как его, короче, бумагу какую-то, чтобы не информировать меня, и его кремировали, а прах развеяли. Все, как она сказала! Как это возможно, мать вашу?! – выпалил он. – Это все ты, Эрик? Я прикончу тебя, если это твоя шутка!

Рудольф встал между друзьями, понимая, что Дэсмонд начнет махать кулаками и без повода, просто оттого, что на взводе.

– Думаю, нам всем стоит признать тот факт, что Нина, действительно, обладает какими-то... способностями, – произнес Рудольф.

– Она изобразила старого генерала так, что я подумал, будто он вселился в нее! Я готов был обоссаться в штаны прямо за столом! – не утихал Десмонд.

Друзья обеспокоенно переглянулись. Все прекрасно понимали Дэсмонда, ведь каждый из них пережил подобное. Она словно была там, наблюдала за ними в прошлом, записывала их слова, и воспроизвела все точь-в-точь: каждое слово, каждый взгляд, каждый всхлип и каждую слезу.

– Если это и есть ее способности, я предпочту от них отказаться! Черт! О чем ты думал, когда волок ее сюда?

– Она помогла нам с Пастаргаями! Без ее совета, мы бы, возможно, были уже мертвы! Ты видел их вооружение? Они не то что нас, они могли бы полгорода с землей сравнять! – ответил Эрик.

– Но и эта девка подставит нас под удар! Она знает про нас все! – продолжал Дэс.

– Он прав, – согласился Марк, – если она знает ... такие вещи, то, вскоре узнает важные детали нашего бизнеса! Поставщики, дилеры, купленные чины, объемы, время, места! Да все! Что если эта информация попадет к врагам?!

Вопрос прозвучал риторически. Каждому вдруг стало не по себе от произнесенных Марком слов. Они в полной мере ощутили опасность, которой подвергали свои жизни этой затеей.

– Да вы хоть поняли, что она только что сделала?! – возмутился Дэс. – Это был не просто взгляд в прошлое! Она целенаправленно раскопала наши самые жуткие страхи! Уж не знаю, что она там болтала про Святошу, но я точно знаю, что она обнажила наидерьмейшее дерьмо моей жизни! Я ненавижу его всем сердцем! Я каждый день проклинал его и знать не хотел о его кончине! А что сделала она? Она заставила меня сожалеть о моей ненависти, произнесла эти дурацкие слова об отцовской любви!

– Она заставила тебя увидеть, что ты был желанным и нужным, несмотря на то, что ты – сумасшедший отморозок. Признай, что тебе не хватало этой мысли, – осадил Эрик.

– Нет, Эрик! Она нашла мою слабость и попыталась ею манипулировать! Я такое гнилье за километр чую! И уверяю вас, эта хитрющая гадюка skinet вид невинности и кончает нас всех!

Дэсмонд смолк, выжидая реакции друзей.

– Он прав, – сказал Рудольф, – как нам обезопасить себя от рисков?

– Я знаю как! Я просто прикончу суку, и дело закрыто!

Десмонд вытащил из плечевой кобуры Глок, что везде таскал с собой, подобно Рудольфу, не снимающего крест с шеи, и направился к двери.

– Стой, стой, стой! – Рудольф преградил ему путь.

– Отойди, брат, я хочу избавить нас от предстоящего дерьма! – не унимался Десмонд. Он уже распалился, и ему просто приспичило кого-нибудь убить этим вечером.

Подоспел Эрик.

– Дэс! Мы не будем никого убивать сегодня! Убери пистолет, твою мать!

– Да, Дэс. Убери пистолет, – подхватил вечно ратующий за мир Марк.

Но Дэсмонд стоял на своем.

– Я не собираюсь подставлять свой зад из-за этой, мать ее, стивенкинговской Керри!

– Десмонд, уймись! – злился Эрик.

Рудольф сделал привычный разнимающий жест руками, призывающий всех заткнуться и послушать.

– Думаю, вся проблема сводится к тому, на чьей стороне она будет пребывать. Это как кроличья лапка – удача с тем, у кого она в руках. Она попросила у тебя что-либо взамен? – спросил он у Эрика.

– Да. Она попросила покровительства.

– Что за хрень? Что за дурацкое слово? Чего ей надо? – не понимал взвинченный Дэс.

– Это значит, что мы должны устроить для нее комфортную жизнь, – начал Рудольф. – Нам просто нужно узнать о ней побольше, сблизиться и поддерживать хорошие отношения.

– Как домашний питомец. Кошка или собака. Хотя она больше на рыбу похожа, у нее такие большие глаза... – сказал Марк и тут же осекся, осознав, что мелит чепуху.

– Ну, вроде того, – поддержал Рудольф. – Чем чище вода и красивее аквариум, тем она больше довольна. При таком раскладе мы извлечем только выгоду из нашего сотрудничества, так?

– Думаю, да, – согласился Марк.

Эрик кивнул.

– Ой, ну что за бред?! – Дэсмонд продолжал в своем духе.

– Послушай! Все в этом мире происходит по какой-то причине. И Эрик встретил ее не случ...

– Если ты сейчас снова начнешь про свою срань Господню, то я и тебя прикончу! – Дэсмонд яростно перебил Рудольфа, размахивая пистолетом.

Эрик устало вздохнул.

– Комфортную жизнь, говоришь? Вы понятия не имеете, чего она захочет завтра, через неделю, через месяц! Сегодня ей подавай дорогие шмотки, завтра новые сиськи! И да ладно с этим! А что если потом она попросит голубого, мать его, лепрекона?! Что ты будешь делать тогда?

Дэсмонд передернул затвор.

– Я говорю вам, прикончить суку, и дело с концом!

Но ребята не собирались сдаваться.

– Дэсмонд, черт тебя дери! Вот когда она попросит голубого лепрекона, тогда и прикончишь ее! А сейчас убери этот гребанный пистолет! – орал Эрик.

Дэсмонд злобно выругался, но спрятал оружие в кобуру.

– Ну, так что? Мы все решили? – спросил Марк.

– Э-э-э, ни фига! – не унимался Дэсмонд. – Все всегда решало голосование! Голосуем и сейчас!

– Резонно, – согласился Рудольф.

Эрик закатил глаза.

– Итак, кто за то, чтобы... избавиться от Нины? – спросил Рудольф.

Дэсмонд резко и высоко поднял обе руки.

– Я голосую за Роберта, и он бы прикончил суку!

Рудольф устало вздохнул.

– Кто за то, чтобы Нина осталась?

Эрик и Рудольф подняли руки.

Вопрошающие взгляды усталились на безучастного Марка, который до сих пор был несколько отрешен от ситуации, погружившись в свои мысли. И тут он вдруг осознал, что наступил невероятный момент – от его решения зависела судьба человека! Марк даже начал задыхаться. Никогда еще его голос не играл решающую роль! Но радость смыло очень быстро, когда он представил ставки игры. С одной стороны новая хоть и рискованная возможность воспользоваться невероятной силой, а с другой – их привычная устоявшаяся и тем безопасная жизнь. Кажется, что выбор не сложен. Но вдруг Рудольф прав, и Нина действительно послана им самим Богом в помощь? Что если впереди их ждут серьезные испытания, которые они не

в силах пройти без помощи сверхъестественных способностей? А что если нет? А что если она ниспослана им, чтобы уничтожить их разлагающий общество бизнес? Марк пребывал в растерянности. Но сколько бы аргументов он ни придумывал в пользу того или иного решения, выбор его базировался на одном простом вопросе: может ли он убить человека? Разумеется, нет. Ангелы не убивают. А потому и выбор его был предопределен.

Он поднял руку.

– Ах, ты ж кудрявая прошмандовка!

– Дэсмонд! – хором огрызнулись Эрик и Рудольф.

– Да этот ходячий бабский клитор никогда не мог рубить топором!

– Заткнись уже! Голосование завершено! – заключил Рудольф.

Сразу после разговора Рудольф, Дэсмонд и Марк покинули апартаменты Эрика, даже не попрощавшись с Ниной. Они были слишком взбудоражены спором о том, кто прав, чтобы вспомнить о ее присутствии. Хотя, может, они просто не желали продолжать общение с ней – уж слишком сильное впечатление она произвела.

Как бы то ни было, ребята ретировались спешно. Входная дверь захлопнулась. Эрик вернулся к столу, налил коньяк и выпил залпом.

Нина встала из-за стола и начала собирать тарелки. Еды осталось очень много, и Нина пожалела, что поторопилась с травмированием мужской психики.

– Не обращай внимания, – Эрик нарушил тишину, в которой был слышен лишь звон тарелок. – Они сейчас просто не в себе. Они немного озабоченны...

– Голубым лепреконом. Да, я знаю, – перебила Нина.

Эрик пораженчески вздохнул.

– Мне еще предстоит изучить твои суперспособности...

– Дело не в них. Вы дверь на террасу не до конца закрыли.

Эрик взглянул на стеклянную дверь как на предателя и засмеялся.

– Ну, и что скажешь насчет этого лепрекона? Какова вероятность, что ты его попрощишь? – спросил он с едва заметной опаской.

Нина стукнула тарелкой о стол и замерла.

– Твои мысли обо мне слишком примитивны, – произнесла она немного погодя.

– Примитивны?! – удивился Эрик.

– Ты судишь обо мне, как об одном из вас.

– С твоими способностями ты не можешь быть одной из нас.

– Вот именно! – Нина снова взялась за уборку стола. – Мне не нужны ни искусственная грудь, ни лепреканы! У меня нет цели мешать вашим делам. Откровенно говоря, мне на них наплевать.

Нина взяла гору тарелок и понесла в раковину. Эрик встал у нее на пути и остановил, схватив за плечи.

– Но что тогда движет тобой? – спросил он.

– Не трогай меня! – выпалила Нина, закрыв глаза, словно в отвращении.

Эрик немедленно убрал руки с ее плеч. Нина сделала пару глубоких вдохов, чтобы успокоиться.

– Ты обещал помочь мне бежать. Этим я и занимаюсь, – сказала Нина.

– Я понимаю, от чего ты бежишь. Но куда ты бежишь?

Нина прошла к раковине и поставила тарелки.

– Я не знаю. Я бегу туда, где Их нет, – прошептала Нина.

Эрик тихо приблизился к ней, чувствуя, что она начинает раскрываться перед ним, и это был хороший знак. С того момента, как она оказалась здесь, она начала больше разговаривать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.